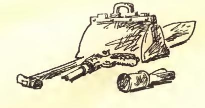

Алексей Чечулин
Самоцветы
для
ПАРИЖА

Алексей
Чечулин

Самоцветы для Парижа

Повесть

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1989

84Р7
Ч-57

Художник Н. Н. Моос
Редактор Е. В. Черняк

Ч $\frac{4803010201-062}{М158(03)-89}$ 56-89

ISBN 5—7529—0185—5

К ВОСТОКУ ОТ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА

Вместо пролога

От студеного Карского моря до ковыльной Магнитной горы, от диких башкирских урочищ до белокаменных стен Тобольского кремля распростерлась тягучая тишина, изредка нарушаемая тревожными паровозными гудками.

Глухая, темная ночь обложила со всех сторон древний Уральский хребет.

К востоку от горной цепи между невеликими реками Большой Створ и Малый Створ, бегущими в Сибирскую равнину, ночь сковала усталостью колонию Всемирной изумрудной компании, чья метрополия находится далеко отсюда, в Западной Европе.

Красноболотский, Троицкий, Зарефтинский, Мариинский, Сретенский, Любинский, Токовой, Воскресенский...

Рассыпаны по таежным урманам прииски.

Раз в месяц под усиленной охраной отправляется с приисков в Екатеринбург эстафета с ценным грузом — запаянными жестяными банками, доверху набитыми зеленым камнем.

Из Екатеринбурга неотшлифованные смарагды, за-

частую с прилипшей к ним уральской землей, по железной дороге следуют во Францию. Поступая в мастерские искусиых столичных ювелиров, они приобретают тот волшебный блеск, что так высоко ценится на международиом рынке.

Так было еще недавио. Но первая мировая войиа иарушила хорошо отлажениую систему, и поставки изумрудиого сырья в Париж стали нерегулярными. Кружиой путь по морям контролировался агрессивным германским флотом, и компания, ие получая самоцветы в достаточном количестве, поубавила аппетит.

А потом... Потом в России произошла революция. Уральские иедра оказались напрочь отрезаниыми от хозяев.

САКВОЯЖ РОТМИСТРА ВОЛОГЖАНИНА

(1) Воскресенский прииск. Май 1918 года

Слабый огонек светился в окне барского дома, который отведен управляющему Воскресенскими изумрудными копями. Зябко Вологжаиииу, кутается ои в шубу с бобровым воротииком. Не в поздней весне дело, ие сырая погода тому причиной.

Не одиому Владиславу Антоновичу холодио стало. Времена пришли такие.

Случилось страшное и иепонятное. В одночасье рухнула трехсотлетняя монархия, и Россия с ее дедовской стариной, вековечиыми устоями корчится в гигаитском мятеже, то вздымаясь иа дыбы, то утопая в море крови.

Мечутся по ней, замучеииой и страдающей, огнениые

всполохи и свинцовые водовороты, порождая трепетные надежды. Вот уже поднял в поход на большевиков казачье войско атаман Дутов, вот уже спешат к Ростову немцы...

Владислав Антонович поправил фитиль керосиновой лампы.

Не спалось.

Третьи сутки поджидал управляющий гонца от Розерта, начальника охраны прииска.

Впрочем, уже бывшего начальника охраны. Да и сам Вологжанин только называется управляющим, Советы держат его потому, что пока не нашлось подходящей замены.

Розерт тайком отбыл в Екатеринбург. Там, в центре необъятного горнопромышленного края, он должен связаться с надежными людьми, знающими, как безопасно переправить драгоценные камни за границу. Не важно куда, но за границу. А вместе с камнями и его, Вологжанина.

Розерт уехал как нельзя своевременно, задержись на полдня — доставил бы огромную радость новым властям.

До сих пор не может прийти в себя Вологжанин после унизительной процедуры обыска и долгого утомительного допроса, который устроили ему ревкомовцы.

Они подозревают исчезнувшего Розерта не только в заговорщической деятельности, но и в крупном хищении изумрудов.

Первый пункт подозрения, если рассуждать здраво, в какой-то степени, наверное, был объективен.

Эрик Розерт часто ездил в Екатеринбург, возвращался возбужденным и с жаром доказывал Вологжанину необходимость немедленных действий против большевиков. Порой к нему приходили чужие, он запирался с ними в его, Вологжанина, кабинете, и тогда до слуха долетали обрывки разговора: оружие, явки, пароли...

Владнслав Антоиович упорно сторонился актнвиой борьбы с краснымн, оправдываясь ранением и чудовищной усталостью, но это ие мешало ему, оставаясь наедине, проклинать узурпаторов и желать миогая лета арестоваиному царскому семейству.

Что же касается нзумрудов, то, простите...

Да, самоцветы есть, но онн, божнним промыслом уцелевшие после многочислениых обысков и реквизнций, не прииадлежат ии компанин, нн этим самозваным властям — Советам.

Волею самой судьбы Вологжаннн н Розерт стали обладателями сокровищ, огромиых и вполне реальных. Точную сумму иа глазок трудно установить, фантазнн хватало на миллиои — лншь бы в американских долларах — самой устойчивой на сегодия валюте.

Но и опасность потерять этот мнллион была тоже огромной и реальной. Сколько раз в кошмарных снах виделась Владиславу Антоиовичу одиа и та же сцеиа — чекисты иаходят его сокровища н, злорадно усмехаясь, заставляют его же, Вологжаннна, вноснть в опись каждый камень. В такнх случаях просыпался Вологжании разбитым, весь день чувствовал себя больным и не успокаивался до тех пор, пока ие нзвлекал нз укрытия заветный саквояж, чтобы убедиться: нзумруды ждут своего часа.

Скромные служащие компании, виезапно превратнвшись в набобов, тоиули в море радужиых плаиов. Варнации былн разлнчными, для их воплощения требовалось одио — благополучно покинуть чуждые пределы Красиой республикн.

О, что тогда будет!

Вот и сейчас Владислав Антонович мечтательно улыбается. Его хмурое, постоянно озабочеииое лнцо преобразилось.

Совершив благородиый раздел богатства, они пополнят ряды состоятельиых граждаи цивилнзованных страи.

Розерт, естественно, переберется в фатерланд — у него дня не проходит без воспоминаний о милой родине. А он, Вологжанин, вчерашний гвардейский ротмистр, выбрал просвещенную Францию.

Лелея в сердце прежние, еще довоенные поездки в Париж, Вологжанин чувствовал себя молодым и потому упивался грезами.

Ему мерещились ставшие дорогими навеки Елисейские поля, Опера, Монмартрский холм, увенчанный базиликой Сакре-Кёр. Ее купола отчетливо виделись в этой медвежьей глухомани.

Париж!

Только здесь, в нарядном, веселом, артистичном городе, он был когда-то по-настоящему счастлив и влюблен.

На углу бульвара Капуцинов и площади Опера летучий запах духов, бензина и жареных каштанов. Уличные музыканты играют прямо на каменной мостовой. Корзины цветов и лукавые взгляды парижанок...

А над всей этой красотой необузданные и величественные химеры Нотр-Дам, причудливые стальные узоры башни Эйфеля.

Скоро, совсем скоро лучший город мира откроет ему свои объятия!

Теперь все зависит от Розерта, от его энергии, ловкости.

В этом белобрысом немчике Вологжанин уверен, как в самом себе. Именно он, Владислав Антонович, вызволил юного кайзеровского лейтенанта из плена. Эрик Розерт вместе с соотечественниками гнул спину на рудниках Камнегорска, а Вологжанину требовался человек, знающий военное дело и уважающий дисциплину.

Розерт не бог весть каких кровей, сын лавочника, но в таежной глубинке не до дворянских гербов, свидетельствующих о древности и доблестях рода. Достаточно того, что Эрик представляет культурную европейскую

иацию, отиосительио иачитаи и виртуозно играет в карты. Последиее обстоятельство Владислав Аитоиович ие считает особым достоииством, ио оио позволяет коротать время в ожидаиии перемеи.

И еще: Розерт не утруждал себя пустыми размышлеииями о добре и зле, а исповедовал беспрекословиое повииовеиие приказу независимо от его сути, лишь бы он исходил от иепосредствеииого начальиика.

Эрику Розерту доверили целый взвод исполнительных и молчаливых иаемииков, которым иичего ие стоило пустить в ход карабии против любого смертиого, покусившегося иа самоцветы компании. А покусившимся был каждый, кто без разрешеиия приближался к колючей проволоке, окружавшей прииск.

...В стекло отрывисто постучали, и бывший ротмистр испуганио вздрогиул.

(2) Воскресенский прииск. Май 1918 года

Пригасив керосиику, Вологжаиин шагнул к окиу, вгляделся: темный силуэт неизвестного почти сливался с иепроглядной ночью.

Гоиец Розерта?

Звоико екиуло сердце, и Вологжании, опрокинув стул, бросился к двери, иащупывая засов.

Человек был одет в брезеитовый дождевик и смазные сапоги. Высокий, под стать Вологжанину, неулыбчивый, он выглядел сейчас лет на тридцать, но был наверияка моложе. Чувствовалась усталость путника, преодолевшего добрую сотню верст.

Кииув к порогу мечеииый сыростью плащ, он остался в черном сукониом пиджаке, под которым виднелась косоворотка. Но этот наряд мастерового не обмаиул Волог-

жанина, он наметанным глазом определил в госте человека военного.

Курьер из Екатеринбурга присел на стул, заботливо подставленный управляющим, и перевел дух.

Первым делом он попросил чего-нибудь съестного, и Владислав Антонович торопливо накрыл на стол, собрав все предусмотрительно оставленное с вечера.

Насытившись, ночной гость позволил себе улыбнуться уголками губ:

— Простите, ротмистр, не представился. Поручик Голубев. К вашим услугам.

Как в былые времена, поручик слегка поклонился и одновременно прищелкнул каблуками. Привычный ритуал растрогал Вологжанина до глубины души.

Но поручик оставался таким же холодным. Черными зрачками буравя хозяина роскошного кабинета, давал понять, что он расслабляться не намерен.

Ротмистр понял это и от лирических излияний воздержался.

— Я к вам мимоходом,— коротко рубил фразы курьер.— У меня еще дела в Камнегорске. Эрик Иоганнович просил передать, что через два дня он ждет вас в гостинице «Пале-Рояль».

Голубев оглядел убранство кабинета, задержал взор на медвежьей шкуре, покрывающей половицы. Размеренно и мелодично отбили полночь старинные часы.

— Сожалею, ротмистр, но задерживаться не могу — служба,— поручик опять скривил уголки губ.— Да и вам пора выбираться из этого благословенного уголка, где только гурий не хватает. Нас, офицеров, ждут великие дела. Про выступление чехов слышали? Хотя откуда же? У вас телеграфа нет...— И, накидывая дождевик, поделился превосходной новостью: — Отлично подготовленный мятеж! Около пятидесяти тысяч легионеров... Мощная сила! От Пензы до Тихого океана...

— С богом, поручнк!— Вологжаннн горячо пожал узкую ладонь ночного гостя, н тот, как угорь, выскользнул за дверь, сразу же растворясь во мгле.

Тщательно закрывшнсь на все засовы, Владнслав Антоновнч в прнподнятом настроеннн откннулся в кресле. Его уже не знобнло. Внзнт поручнка вдохнул в него уверенность.

«Итак, что мы нмеем?» — Владнслав Антоновнч задумался.

Он подготовнл два надежных тайннка, где можно было без боязнн спрятать драгоценностн. Надо полагать, на краткое время, рассказанное поручнком обнадежнвало: большевнкн будут сметены.

Да, скоро в театре смена декорацнй...

Важно продержаться до прнхода братьев-славян.

Сам он затеряется в Екатерннбурге, где его ждет Розерт. Правда, встречаться с ннм опасно, Розерта, понятно, нщут н там, но на этот случай есть однн человечек, чнстый пролетарнй, которого трудно заподозрнть в нелюбвн к Советской властн. С Розертом все обговорено заранее, этого человека, а не его, Вологжаннна, будет ждать Розерт в «Пале-Рояле».

Владнслав Антоновнч запоздало вспомннл, что не поблагодарнл Голубева, сделавшего радн него такой нелегкнй крюк. Его не интересовало, что влекло поручнка в Камнегорск, но он пожелал ему успехов.

Только далеко за полночь, не мучаясь больше ожнданнем н сомненнем, управляющнй Воскресенскнм прннском потушнл лампу.

(3) Бассейн Большого Створа. Май 1918 года

Воскресенский, некогда процветающий прииск, в последнее время переживал упадок. Не чувствуя крепкой хозяйской руки, он приходил в запустенье.

Отчаянно плодилось воровство, как ни пресекал ревком проснувшуюся в людях алчность. Рабочие разбегались по тайге, подгоняемые верой в свой фарт. Все реже и в меньшем количестве поступал из шахт изумрудный сланец.

Вологжанин взирал на беспорядки сквозь пальцы.

И в этот день он больше по привычке, чем по необходимости, обошел участки. О том, что простаивали лебедки, десятники докладывали ему не впервые, но слушал он их плохо и не торопился принимать меры. А после обеда даже завалился на диван, надеясь возместить ночное бдение. Однако нервное перенапряжение дало о себе знать, и он долго ворочался с бока на бок, пока не решил наведаться в Нечаевский лог.

Облюбованное ранее место для тайника он нашел бы с закрытыми глазами. Тайга здесь сгущалась, вздымаемая скальными выходами, изобиловала старыми и свежими шурфами, сырыми пещерами.

Но каково было его разочарование, когда среди бурелома приметил собранный из жердей, крытый берестой балаган. Поодаль в начатых шурфах возились незнакомые мужики.

Старателям не везло, и на чем свет стоит проклинали они заблудившееся счастье.

Разочарование Владислава Антоновича переросло в радость. Как хорошо, что не поленился заглянуть сюда сегодня! В этих мужиках он увидел перст судьбы, указавшей ему свыше на опасность.

Торжествующий Вологжанин не отказал себе в удо-

вольствии побеседовать с мужиками. Он даже угостил их дорогими папиросами и рассказал им историю открытия знаменитых изумрудных копей в Южной Америке.

Бородатые старатели ахали, откровенно завидовали смекалке неведомого им испанского кабальеро Хуана де Пенагоса, обнаружившего мелкие зеленые камешки в курином зобу.

«Ну как есть дети»,— думал Вологжанин, наблюдая за своими простодушными согражданами. Нечто вроде жалости шевельнулось в нем, но он тут же задушил это первобытное чувство.

Нашли кому завидовать! Кости этого конкистадора истлели за четыре столетия. Вологжанин внутренне усмехнулся: а вот он жив, и зеленого камня у него побольше, чем у победителя индейского племени мюзо, хотя он в жизни ни одной курицы не потрошил.

Бодрым вернулся к исходу дня Владислав Антонович на Воскресенский прииск.

Без помощи кучера запряг он в таратайку казенного жеребца, похлопал его по сильному крупу и направился в дом.

Там заперся на засов и спустился в погреб.

Не скоро появился Вологжанин на крыльце, зато в руках держал перемазанный глиной, видавший виды кожаный саквояж. Он небрежно бросил саквояж в таратайку, швырнул следом лопату. Вел себя несуетно, как обычно, когда ездил на соседние прииски или в Камнегорск за свежей корреспонденцией.

Ничто не вызывало тревогу. Бараки рабочих пустовали, конторских служащих словно корова языком слизнула.

Отряхнув руки от приставшей глины, Вологжанин взялся за вожжи. Слетело уже с языка ямщицкое: «Пошел!»— и вдруг спиной учуял чей-то взгляд. Но оборачиваться не стал.

Массивные бревенчатые ворота никто не охранял. Лишь ряды колючей проволоки напоминали о былых, им же введенных порядках «Анонимной компании».

Владислав Антонович остановил подводу, достал из брезентового плаща портсигар. Не спеша, постучал мундштуком папиросы о серебряную крышку, прикурил, закрывая огонек обеими ладонями от ветерка, и только тогда огляделся.

Никого.

Показалось, что ли?

Но страх, который он испытал, уже не проходил. Наоборот — нарастал снежным комом, как ни храбрился Вологжанин, сжимая в кармане запотевшей ладонью рубчатую рукоятку нагана. Оружие он привез с германского фронта, держал его в укромном местечке и только сегодня прихватил с собой — рискованный предстоял маршрут.

Лесная дорога шла вдоль извилистого Большого Створа. Река спокойно несла свои неглубокие воды в теснине тайги.

Колеса вязли в мочажинах, спотыкались о могучие корневища корявых сосен, выпиравшие из распаренной после первых дождей земли бугристыми сухожилиями.

У тридцатилетнего Вологжанина вся жизнь была еще впереди.

И какая жизнь!

Его род славился мужским долголетием, и Вологжанин был уверен, что пребудет на свете чуть ли не до конца двадцатого века.

Он еще покажет этим выскочкам, устроившим ему офицерский суд чести за самовольный расстрел солдата-большевика. А он, Вологжанин, схватил его на месте преступления. Да, преступления! Ибо этот голубчик накануне атаки читал окопникам прокламацию, призывал брататься с немцами.

Кровь ударила тогда Вологжанину в голову. Вся русская армия с надеждой и верой восприняла успешное наступление войск генерала Брусилова, а большевики не желают воевать, сеют смуту среди солдат.

«Что?! Ма-алчать!..»

И три выстрела в упор заткнули глотку агитатору.

Вологжанин не ждал за столь ревностное несение службы ордена, но и наказания тоже не ждал. Однако эти демократические слюнтяи...

Пришлось тогда ему покинуть гвардию и с маршевой ротой сибирских лаптежников угодить под губительный огонь немецких пулеметов в окрестностях Ревеля, но бог миловал — отделался ранением.

Чем больше распалял себя Владислав Антонович, тем явственней выплывал из небытия тот солдат.

Ротмистр поморщился от неприятных воспоминаний.

Не с той ли поры поселился в его душе затаенный беспрестанный страх? Этот страх нередко поднимал его с постели, и он, неприбранный, всклокоченный, презирая себя, сидел, дожидаясь рассвета. Страх гнездился в груди, вызывая тупую боль в сердце и где-то под левой лопаткой. Однажды ему стало невмоготу, и камнегорский доктор посоветовал ехать в Екатеринбург.

Вологжанин, занятый в ту пору отправкой добычи в Париж, так и не сумел побывать в уезде, а потом отложил поездку — боль отступила, стала забываться.

И вот опять...

Нет, он до сего дня не раскаивается в содеянном. Только так и должен был поступить офицер императорской гвардии.

Что из того, что теперь он близок с немцем? Это жизнь так повернулась. А все потому, что война проиграна благодаря таким вот либералам, какими оказались его сослуживцы...

Он, Вологжанин, был честным воином и бесстрашно прошел фронт, но возвращаться после ранения на передовую счел бессмысленным — государь отрекся от престола, защищать стало некого. Так он попал на службу в «Анонимную компанию», пользуясь знакомством с мсье Леже, одним из влиятельных директоров изумрудной империи, даже в годы войны навещавшим свои владения через Владивосток. И первое, что сделал новый управляющий Воскресенским прииском,— укрепил охрану, во главе которой поставил Эрика Розерта, обязанного ему своей свободой.

Вологжанин вобрал голову в плечи, взглянул на дорогу.

Бежали на взгорки рощицы молодых березок и тут же стыдливо прятались за плечи сосен-перестарок.

Опять стало холодно.

(4) Рассохи. Май 1918 года

Уже в начавшихся сумерках Вологжанин придержал коня. Ему почудились дальние голоса. Он прислушался, затем завел подводу в сосняк и затаился.

Тайга ровно шумела, пряча в себе невидимые напасти. Теперь, в полутьме, она мнилась Владиславу Антоновичу чужой и враждебной. Но он понимал, что у страха глаза велики, и заставил взять себя в руки.

Убедившись, что никто его не преследует, ротмистр повел жеребца за уздцы.

Показались Рассохи.

Здесь, среди сосен и лиственниц, сходились в одно русло Большой Створ и Малый Створ. Мрачный, дикий угол. Целые стада валунов разбрелись по тайге — следы ледникового периода.

Редкий охотник или старатель забредал в чащобу. Неподалеку начиналось Черное болото, снискавшее недобрую славу. Попадешь туда — леший закружит да и утопит, хохоча над грешной душой.

Вологжанин бывал на Рассохах, как-то охотились здесь с Розертом по талому насту на лосей. Эти сумрачные деревья, должно быть, еще помнят выстрелы и предсмертные хрипы животных.

Не пахло на Рассохах духом человеческим. Заброшен с началом войны старательский поселок — скукожились там и сям дряхлеющие без хозяев избы. Они заросли бурьяном и покосились. Гулко хлопают на ветру полуотвалившиеся ставни, прикрывая пустые глазницы окон.

Пошел дождь, и Вологжанин накинул на голову капюшон плаща. Дорога в минуту размокла, колеса зачавкали в грязи, и жеребец, сверкая на ездока сердитым оком, словно вопрошал: не хватит ли погонять?

Владислав Антонович бережно снял с таратайки саквояж, но, обняв драгоценный груз, не смог пересилить желания заглянуть в него.

«В Париж! В Париж!»— возликовало все его существо, суматошно забилось сердце, перегоняя по жилам волнение и страсть.

Вот они, зеленоватые, неотшлифованные каменья, ради которых поставлена на кон судьба.

Шершавые, теплые, самоцветы грели ладонь, и ротмистр не удержался: несколько изумрудов перекочевали в карман френча.

Бог даст, и скоро они, прошедшие через все преграды, по-царски заискрятся на лебединой шее самой прекрасной женщины. Один из камней он вставит в искусную оправу, какую можно только найти в Европе, и скажет ей, как сказал Соломон своей Суламифи: «Это кольцо со смарагдом ты носи постоянно... Он зелен, чист, весел и ясен, как трава весенняя, и когда смотришь на него

с утра, то весь день будет для тебя легким. У тебя над ночным ложем повешу смарагд, прекрасная моя: пусть он отгоняет от тебя дурные сны, утишает биение сердца и отводит черные мысли...»

Размашисто осенив себя крестом, Вологжанин закрыл саквояж и скрылся в ночной темени Рассох.

Когда он вернулся, дождь усиливался, переходя в ливень.

Но настроение ротмистра было прекрасным.

СЛУЧАЙ НА ПРАКТИКЕ

(1) Камнегорск. Июнь 1988 года

Из школы расходились бурно.

Сейчас, когда с летней практикой все определилось, каждый в 7 «б» строил планы на каникулы. Кто-то собирался поехать в деревню к бабушке, кто-то мечтал о море.

Саня Ладыгин никуда не собирался. Бабушки в деревне у него нет. А ехать на теплые воды — это просто смешно. Конечно, Камнегорск не курорт, но водохранилище на Рассохинской ГРЭС чем тебе не Черное море. Вода даже теплее, она и зимой не замерзает. А разве есть где-то еще такая великолепная тайга?

Нет, Саня никуда не собирался. Вот только отбудет пару недель в тепличном хозяйстве горно-обогатительного комбината «Буревестник» и...

Что же там дальше, он еще не придумал, но твердо уверен, что скучать не будет. Вот и Даша тоже остается на лето в городе. У нее, правда, четкая программа. Она

2 Зак. 126

не может разрешить себе праздную жизнь, поскольку поставила перед собой цель «в совершенстве овладеть французским языком».

А что? Она своего добьется. Настырная.

У Сани, к его стыду, с языками нелады, и мама постоянно пилит его. Она считает, что Саня после школы должен пойти по ее стопам — в медицинский, а там без иностранного не обойтись.

Вот если бы его пилила Даша!

— Санька!— донесся до него заполошный голос.

Это Митрий, примечательная личность, знаменитость класса. Вообще-то он Дмитриев, но для всех Митрий, да еще Хитрый. Почему Хитрый? Ну это так исторически сложилось. Выделили школе как-то одну-единственную путевку в Артек — поехал Митрий. Потому что отличник, активист. Что правда, то правда. Он прирожденный общественник. Все на субботнике метлами машут, а он щелк да щелк фотоаппаратом — для стенгазеты старается.

Еще одна особенность Митрия — он все про всех знает, а если не знает, то делает вид отягощенного информацией человека, которому самому противно от обилия познаний в своей черепушке.

Митрий неотразим. Он заговорит любого. Его глаза горят вдохновением. Он не знает устали.

Его излюбленный прием — суворовский — натиск.

— Слышь, Санька, ты можешь помочь товарищу...

— ...попавшему в беду?— подхватывает Саня произносимую регулярно фразу.

— Ну да,— Митрий ничуть не удивился.— Пустячок требуется...

— Смотря какой.

— Для твоей маман это даже не пустячок, а так, тьфу,— Митрий выразительно сплюнул, демонстрируя ничтожность и незначительность собственной просьбы и

даже как бы стесняясь, что обращается к серьезным людям с такой малостью.

Тут уж трудно не догадаться.

— Справка?

— Она, родимая,— кивнул Митрий.— Путевка подвернулась... На теплоходе по Волге. Представляешь? А тут практика некстати, да еще без навара. Хотя бы чирик-другой давали...

— Какой чирик?

— Обыкновенный — двигатель прогресса. Червонец, красненькая...

— А-а,— Сане смешно.— Чирик, говоришь? Так вот, ничего из твоей болезни не выйдет, Митрий. Минздрав предупреждает: здоровье — национальное достояние.

— Ты так, да?— оскорбился Митрий.— Принципиальный очень, да? Понятно, сэр. Значит, друзей побоку, одна Дашка на уме? Тили-тили тесто...

— Дурак!— отмахнулся Саня.

— Приятно познакомиться!— не остался в долгу Митрий.— На свадьбу не забудь пригласить, женишок...

И независимо шествует дальше. У него незыблемое правило: последнее слово не должно принадлежать кому-то другому.

(2) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Как и следовало ожидать, Митрий на практику не явился. Но народу и без него — муравейник!

Своих семиклассников прислала еще одна школа, и бригадиры сбивались с ног, пытаясь справиться с такой оравой.

В тепличном хозяйстве работа больше для девчонок. У них это хорошо получается — возня с рассадой, полив,

прополка. Мальчишек же использовали в основном как грузчиков. Они таскали ящики со снятыми огурцами, работали на переноске речного песка.

Так бы, наверное, и пролетела практика без выдающихся событий, если бы не последний день.

В этот день Саню, словно вознаграждая за долгое терпение, послали на бортовой автомашине за землей для устройства новых теплиц. Землю брали в Нечаевском логу за отвалами, что громоздились у кирпичного завода. Эти каменные насыпи кое-где уже поросли худосочными деревьями.

Сначала ребята осторожно снимали дерн, добираясь до плодородного слоя. Зеленый ковер поддавался нелегко, казалось, земля упорно сопротивлялась. Затем дело пошло веселей. Саня и незнакомый ему темноволосый парень наполняли жирным блестящим черноземом носилки и подавали их в кузов, где землю принимали перемазанные руки сверстников.

Напарник работал молча и неутомимо. Саня едва поспевал за ним, а он слабаком себя не считал. И когда шофер, заглянув в кузов, крикнул: «Шабаш! Ждите через час!» — Саня так выдохся, что без звука свалился на траву.

Машина уехала, и они остались вдвоем.

Когда от усталости ноют мышцы, нет лучшего отдыха, чем бездумно лежать на спине и смотреть в синее небо, где армадами проплывают белые облака.

Напарник не выпустил из рук лопату, он молча, сосредоточенно продолжал резать дерн.

— Оставь, успеем еще,— сказал Саня, которому наскучило молчание.

— А я не устал,— выпрямился парень, смахивая пот со лба.— Если хочешь знать, я один вскапываю целый огород. Не веришь?

Глядя на него, не поверить было трудно, и устыдившийся Саня вскочил на ноги. В тот же миг раздался

хруст. Это черенок лопаты не выдержал нагрузки. Темноволосый хмыкнул и озадаченно покрутил обломок, не зная, что с ним делать.

Хорошо, что черенок обломился у самого основания, где крепился гвоздями, и Саня, чтобы поддержать знакомство, двинулся к отвалу, бросив на ходу:

— Подожди, я сейчас камень принесу.

Он проторил тропку сквозь молодой сосняк и оказался на обширной поляне, отделявшей его от каменной насыпи. Поляна была неровной, сплошь изрезанной оврагами и угрожающе щетинилась выступавшими из земли гранитными глыбами. Они напоминали стертые зубы огромного чудовища, которое в любой момент могло захлопнуть пасть.

Саня осмотрелся, намечая кратчайший путь. Перед ним лежала неизвестно как попавшая сюда железобетонная плита, а за ней куча зеленой хвои. Он пробежал по плите, надеясь одним махом преодолеть препятствие, но просчитался и приземлился посередке кучи.

Впрочем, это ему показалось, что он приземлился. Едва коснувшись ногами веток, он почувствовал, что куда-то проваливается, и дико, без памяти заорал, сорвавшись на истошный визг.

Услышав этот крик, темноволосый, видно, опрометью бросился на помощь.

— Эй! Ты жив?— тревожно спросил он, наклоняясь над ямой.

— Не знаю...— Сане уже было стыдно, что он так завопил.

— Потерпи!— парень стал растаскивать сцепившиеся ветки. Обнажился провал правильной квадратной формы. В поперечнике он был метра полтора. Края ямы густо поросли травой и мхом, из нее тянуло сыростью и гниющим деревом.— Потерпи! Не паникуй, я что-нибудь придумаю!

Сане ничего и не оставалось, как терпеть. Ухнул он вроде удачно. Повезло, что, падая, ухватился за крепкий, упругий сук. Сук обломился, но смягчил падение. И все-таки у него, как говорится, зуб на зуб не попадал — то ли от испуга, то ли оттого, что в яме стояла вода. Она доходила до колен и была основательно холодной. Ожидая помощи, он заставил себя двигаться, чтобы не замерзнуть окончательно.

Теперь, когда в яму падал свет, Саня кое-как разглядел ее. Она напоминала большой колодец, точно так же ее стены были укреплены деревянным срубом. Бревна кое-где прогнили, покрылись белым налетом грибка. На них сохранились железные скобы, по которым можно было подняться. Сделав это открытие, Саня схватился за нижнюю и попробовал подтянуться. Это ему удалось, и он обрадовался. Преодолев около метра, обнаружил, что в спину сильно дует. «Откуда этот сквозняк?» Он вгляделся в стенки колодца.

На фоне почерневших бревен не сразу увидел Саня отверстие в противоположной стенке. В него мог спокойно пролезть взрослый человек. Саня просунул в темноту руку, и она не встретила преграды. «Подземный ход!»— мелькнула догадка, но его исследования на этом закончились. Сверху опустился гибкий березовый ствол с трепетавшей на макушке зеленой веточкой. Саня ухватился за него и в два счета вылетел на поверхность.

(3) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Зло и наспех Саня выжал мокрые брюки и повесил сушиться кроссовки. Солнце входило в зенит, и он вскоре отогрелся. Спаситель его деловито прикидывал

глубину колодца, ориентируясь на Санин рост и длину березки. Получалось около пяти метров.

— Добавь еще парочку,— повеселев, сказал Саня.— Я стоял на скобах.

— Ничего себе! Кто это так постарался! Медведи у нас давно не водятся.

— Медведи тут ни при чем. Да они в такую ловушку не попадутся, не мамонты, похитрей будут.

— Не мамонты, конечно, мамонты повымирали. Но ведь для какого-то зверя вырыта яма...

Саня только улыбнулся. Наверное, не окажись он в колодце, тоже так бы подумал. Но сейчас-то он знал истинное назначение замаскированной, а может, просто прикрытой кем-то ямы.

— Это старый шурф. Его, может быть, еще в прошлом веке вырыли старатели. Здесь раньше много находили золота и самоцветов. Мне папа рассказывал, что самородки попадались с кулак. А про изумруды и говорить нечего — с полено размером...

— Да ну,— усомнился напарник.

— Не веришь? Думаешь, треп? Мой папа, между прочим, горный инженер.

— Об изумрудах я слышал. Нам в школе краевед Соловьев рассказывал, как их нашли. А вот сейчас, интересно, можно откопать сокровища? Ну хотя бы малюсенький самоцветик?

Саня пожал плечами, ему эта мысль в голову не приходила. Золотые самородки, драгоценные камни... В старину встретить их под Камнегорском было легко, но в наши дни? Времена кладов миновали, остались одни воспоминания, как говорил отец, но ведь так заманчиво вернуть в чудо. И тут Саню словно кипятком ошпарило: что же он, дуралей, про подземный ход забыл сообщить?

— Вот здорово!— восхитился парень.— Что же ты сразу не сказал? Помнишь, как аббат Фариа прорыл

подземный ход в камеру Эдмонда Дантеса? А после этого появился благородный мститель граф Монте-Кристо и давай приводить в чувство смертельных врагов! Значит, настоящий подземный ход?

— А то нет,— Саня старался говорить как можно беспечней, будто для него было привычным находить подземные ходы.— Можешь сам проверить.

— Предлагаешь добровольно покончить с собой?

— А скобы?

Напарник по-хозяйски обошел колодец, опустился на колени, простукал утонувшие в траве бревна. Решив, что риск невелик, спустился вниз. Саня на всякий случай приготовился вызволять его тем же способом, каким был извлечен сам.

Но все обошлось, темноволосая голова вынырнула из колодца без посторонней помощи.

— Вот это да!— шумно выдохнул парень.— Вот здорово, что ты свалился сюда, честное слово! Ничего подобного я не видел, только в кино. Знаешь, я не я буду, если не побываю там.

— Идет,— сказал Саня.— Но если по уму, без специального снаряжения сюда соваться не стоит. Мы, слава богу, не в замке Иф находимся и в двадцатом веке живем.

— Вот это правильно,— одобрил темноволосый.—Значит, по рукам?— Он снова улыбнулся: —Будем знакомы. Димыч.

Саня назвался и с уважением взглянул на его руку.

— Как ты меня ловко вытащил, до сих пор не верится.

— Это что!— отозвался Димыч.— У меня наследственность такая. В нашем роду из гвоздей кольца гнули. Смотри, машина идет.

ПРИИСК
ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

(1) Камнегорск. Июнь 1988 года

В доме Ладыгиных нзредка бывал чудной гость — дед Макар Андреевич Воронков. Летом он жнтельствовал неподалеку от Камнегорска на небольшом таежном озерце, которое так и называлось — Макарово. Там была срублена охотничья нзбушка. Когда наступала зима, Макар Андреевич возвращался в город.

Жнл он одиноко, замкнуто. В друзьях держал транзнсторный прнемник н старое двуствольное ружье.

В тайге опытному человеку нет проблем с продовольствнем, а хлеб старик печь умел. Поэтому в городе он бывал нечасто, да и то по необходнмостн, из-за раднкулнта, н шел сразу к Ладыгнным.

В свитерке грубой вязкн, в резнновых сапогах, он напоминал Сане скандннавского шкнпера, только бороды недоставало. Но бороду Макар Андреевнч не любнл. выбрнт всегда, как на строевой смотр.

— Сил нет, матушка,— жаловался Саниной маме.— Хоть на печку полезай, разогнуться не могу.

Мама вздыхала: еще бы, старик нз озера не выходит.

— Одно для вас лекарство, Макар Андреевнч,— тепло. Зимой ведь, когда в городе жнвете, на боли не жалуетесь. Да бросьте вы это озеро, здоровье дороже.

— Как бросить!— упорствовал дед.— Без меня оно пропадет. Я его н почнщу, и воднчку свежую пущу, оно и дышнт. Как дnте малое, нельзя без глазу оставить. Да н привык к прнроде...

Я ведь после войны н до пенсии пыль глотал — на фабрике, где руду обогащают. Вот н надумал, когда последнний расчет получил, в тайгу податься — в Рассохи. Там просторно было, прямо государство лесное, покрупнее Люксембурга. А вот вырубилн тайгу под водохранилище, прншлось поблнже к городу перебраться...

Получив ниже спины укол смесью из семи препаратов, Макар Андреевнч отлежнвался на днване под тремя одеяламн. Кряхтел, вздыхал, охал...

Когда отец Санн бывал дома, Макар Андреевнч любнл с ннм беседовать. В основном о международном положеннн, войне в Афганнстане и амернканском презнденте. Но вот уже год, как Ладыгнн-старший помогает налажнвать горнодобывающую промышленность в одной из развнвающихся стран. И Макар Андреевнч испытывает скуку. Очевндно, думалось ему так: женщнны в полнтике не разбнраются, а Саня еще не дорос.

Так, по крайней мере, полагал Саня, наблюдая за стариком. Сегодня ему очень хотелось, чтобы Макар Андреевич обратил на него внимание. Может, он, изучившнй тайгу как свои пять пальцев, бывал в том шурфе, что прячется в Нечаевском логу. А вдруг?

Саня прндвннулся к деду Макару поблнже.

— Хочу спроснть вас... Это правда, что у нас находнли нзумрудные кристаллы велнчнной с полено, нлн выдумка это?

Дед Макар ответил не сразу. Он поворочался, словно прислушался к своему состоянию.

— Да как тебе сказать... Ходнла молва о такнх гнгантах, но чего не вндел, того не вндел. Мне все больше мелочь попадалась. Ну, скажем, с карандаш...

Саня весь подался вперед н почему-то перешел на шепот.

— Вы нзумруды нскалн?

— Ты лучше спроси, кто нх у нас не нскал. Самое добычливое место было там, где сейчас Ннкитское клад-

бище. Нечаевский лог, тот весь перекопан... Самые отважные в Черное болото ходили. Э, да что там!..

Дед Макар закатал левый рукав свитера. Обнажилась поджарая, еще недряблая рука. На самой серединке между локтем и кистью белела застаревшая, едва различимая полоска.

— Видишь? Это следок изумруда. Немец-охранник рассадил, памятку на всю жизнь оставил. У, зверюга был! А мне тогда только десять годков минуло...

(2) Воскресенский прииск. Май 1918 года

— Жили мы в Камнегорске,— неспешно начал рассказ Макар Андреевич.— Отец и мать в забое руду добывали. Экскаваторов тогда еще не было, все вручную делали.

Ну вот. Империалистическая война разразилась, отца и убило. Голодуха, денег нет, хлеба нет. Каютка наша разваливается на глазах. И надумала мамаша моя податься на изумрудные прииски: там иностранцы заправляли, кормежка вроде получше была.

Изумруды — камни дорогие, как алмазы, во всем мире ценятся. Вот и повадились сюда из-за границы... Большими миллионами ворочала французская «Анонимная компания», еще какие-то хозяева были.

Да, так вот. Попали мы на Воскресенские копи. Прииск, значит. Ну чисто тюрьма! Высокий забор, колючая проволока, у ворот вооруженные охранники, кто не понравится — тут же на мушку. Случалось, и убивали. И ничего им за это не было, еще и наградят хозяева.

Поставили мать мою шурфы бить. Тяжелая, нежен ская работа, да куда денешься, ребятишки и те при деле состояли: выбирали из сланца самоцветные камушки

Руки у каждого в холщовых варежках, крепко завязками стянуты, это чтобы соблазна не было изумруд припрятать. Лопаточками подбрасывают найденный камень на середку лотка, там специальное отверстие, а под ним жестянка.

Попробуй-ка прозевать самоцвет — тут же получишь затрещину от француза-надсмотрщика, который над тобой сверху сидит, как богдыхан китайский. Его в свою очередь караулит другой надсмотрщик, а того третий. И все между собой грызутся.

После революции уже дело-то было. Царя нет, а порядки теми же оставались. Это потом новая власть потихонечку начала прибирать прииски к рукам, а сразу не получилось — приисков много, за всеми приказчиками да управляющими не углядишь.

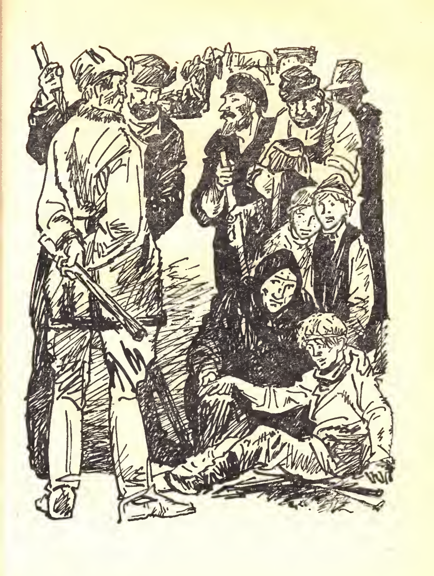
Помню, сижу я над лотком, лопаточкой деревянной орудую. Рядом такие же мальцы в сланцах копаются. Они привычные, а я только втягиваюсь в работу. К обеду глаза притомились, голова кругом идет... И не заметил, к своему несчастью, один махонький камушек. Они, парень, в первородном виде блеск не всегда дают, так, зелень и зелень. А бывает, совсем тусклые самоцветы, да еще слюдкой прихваченные... Тут мастерство гранильщика требуется, камень и заиграет, грани засветятся, оживет красота невозможная.

Да, так вот... Не углядел тогда камушек, а надсмотрщик заметил это, коршуном со своего насеста кинулся, раскричался:

— Вор! Маленький вор!

Они все по-нашему наловчились, что французы, что немцы; бойко говорили. На крик прибежал начальник охраны Розерт — глаза бешеные, руки-грабли ходуном ходят. Не разбираясь, схватил тот злосчастный изумруд и выше варежки по моей руке и чиркнул словно ножом...

Много ли мне, заморышу, надо? Сознание потерял.

Когда очнулся, вижу: из раны кровь хлещет, больно. Заревел благим матом. Люди обступили, мать тут же, тоже ревет...

О случае этом узнали в Камнегорске. Приехал оттуда милиционер, арестовал начальника охраны. Что уж там было, не знаю, но через неделю Розерт вернулся и больше ни на кого не кидался как цепной пес, отбили охотку. Спасло его то, что был он германским подданным.

С того дня с рабочими стали лучше обращаться, а управляющий Вологжанин начал даже здороваться с нами. Испугались, видно, что прогонят их с советской службы, а к тому шло — обыск у них за обыском.

Руку мать втираниями да заговорами лечила — толку нет. Рана гноится, рука пухнет. Какие в ту пору медики, фельдшер — и тот далеко. Это я сейчас к твоей мамке бегу, а тогда...

Порой мне думалось, что умру.

Однажды Розерт с Вологжаниным принесли заморскую мазь. Розерт при этом был отца родного добрей, а Вологжанин предложил называть его по имени-отчеству — Владиславом Антоновичем.

Мазь помогла. Опухоль исчезла, но рана не заживала.

Потом Розерт неожиданно уехал с прииска, и я подумал, что больше никогда не встречусь с ним.

(3) Воскресенский прииск — Екатеринбург. Май 1918 года

Народу на прииске стало меньше, многие в старательские артели подались. Попался как-то я на глаза Вологжанину. Он мне почему-то обрадовался.

— Как поживаешь, Макарка? Покажи руку.

Ловко размотал тряпицу на моей ране, поморщился.

— Худо, Макарка, загнивает,— покачал головой Владислав Антонович.— Смотри, как бы заражения не было или гангрены,— верная смерть. Ты вот что... Завтра еду в Екатеринбург, собирайся, покажу тебя профессору.

Скажи, как хитро он ко мне подъехал. Я ведь городов никогда не видал, кроме Камнегорска, а он что за город! Опять же рука побаливает, а вдруг случится эта самая... гангрена. Ну и согласился. Вологжанин и пропитание мое на себя брал. Поеду!

К вечеру собрался в дорогу, нищему собраться — подпоясаться. Мать свою кофту старую дала, несколько бумажных керенок в потайной карман зашила. Вот и все сборы. Не терпится мне, а время как на грех на костылях ковыляет.

Болтаясь без дела, вышел на барский дом, в котором проживал Вологжанин. Смотрю — конь в упряжке стоит, удивился, куда это собрался Владислав Антонович на ночь глядя?

Жду в черемушнике, что дальше будет. Вот стукнула дверь, вышел на крыльцо Вологжанин, в руках у него какая-то сума. Без меня, что ли, уезжает в Екатеринбург? Ну и ладно, я не напрашивался.

Уехал управляющий, а мне неспокойно, обида берет: сам уговорил и не взял.

Только окарался я, никуда он не делся, утром как ни в чем не бывало заглянул в нашу землянку, веселый такой — редко это бывало. И, что меня удивило, небритый, это на него не походило, в грязных сапогах.

— Готов? Ну с богом, прощайся с мамкой.

Мать в слезы, впервые меня так далеко отправляет. А может, чуяло материнское сердце, что не следовало мне ехать. Но я ее слезам не придал значения, телок несмышленый.

Сколько мы времени добирались до Азиатской, не упомню, но долго. Сначала Камнегорск проехали с его

разрезами, потом деревни потянулись, одна на другую похожие. Солнышко уже высоко стояло, когда прибыли на железнодорожную станцию.

Азиатская — станция большая, через нее поезда в Сибирь идут. Дома каменные, паровозов много — я их впервые увидел. Мимо экспресс промчался, до чего огромен, дым до небес, искры во все стороны, а голос — не приведи господь!

Тебе, Александр, такие машины видеть не довелось, сейчас все больше тепловозы да на электрической тяге. А я как на духу скажу: перепугал меня паровик, экое страшилище!

Вологжанин коня у богатого мужика оставил, старыми знакомыми оказались. У него одежду свою сменил на солдатскую. «Чтобы не ограбили»,— пояснил, я и поверил, наслушался, что в городах жулик на жулике сидит и жуликом погоняет. У кассы народов — жуть, но Вологжанин взял ее штурмом. Кто из крестьян с солдатом связываться станет!

Закусили мы из котомки Владислава Антоновича хлебом да салом и ждем поезд из Сибири. Пригромыхал такой же огромный экспресс, и отправились мы в славный город Екатеринбург.

В поезде мне понравилось, укачивает. За окном вагона столбы и дома мелькают. Под стук колес я прикорнул. И сон привиделся, будто бегу я по Нечаевскому логу, а за мною Вологжанин со своей сумой гонится и паровозным голосом трубит: «Отдавай изумруды, маленький вор!» Догнал он меня, за плечо рванул...

Проснулся, сердце разрывается от страха. Вологжанин за кофту меня трясет:

— Приехали, Макарка, Екатеринбург.

Гляжу из окошка: людей толпы, все с узлами, котомками, торопятся как на пожар. А паровозы так и снуют, чуть людей не давят.

Владислав Антонович обрядился в потрепанную шинель.

— Теперь будь настороже,— сказал он.— От меня не отставай, глаза по сторонам не пяль. Будет кто мной интересоваться, отвечай, мол, дядя Силантий. Силантий Воронков.

Зачем это ему понадобилось, не знаю, а спрашивать не решился. Силантий так Силантий, от меня не убудет. Больше думаю о том, как бы не отбиться от Вологжанина. Екатеринбург не Воскресенский, не Камнегорск, тут заблудишься — пропадешь.

Так и попал я впервые в большой город.

Макар Андреевич то ли от лекарства, то ли от воспоминаний порозовел, помолодел, глаза его заблестели.

— Ну, Александр, спасибо, не дал скучать. Знаешь что... Если я тебе не очень надоел болтовней, приходи ко мне на озеро. Придешь? Там и расскажу про городские свои приключения. А сейчас — пора мне.

В ПОДЗЕМНОМ ЛАБИРИНТЕ

(1) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Они явились к шурфу с рюкзаками, где лежали резиновые сапоги, свитера, связки веревок, топор, саперная лопатка, электрические фонарики. Чем не спелеологи?

Действовали осмотрительно, закрывая за собой спуск в колодец разлапистым сосняком. И когда неба не стало видно, сгустилась темнота, они включили электрические фонарики, пучки яркого света прибавили смелости.

Подземный ход оказался наклонным и резко уходил в сторону — луч споткнулся о серую гранитную стену и заплясал на месте.

— Ну?— испытующе взглянул Саня на спутника.— Рискнем?

Димыч сверкнул белой полоской зубов:

— Чур, я первый...

Он перехватил рюкзак левой рукой и, выставив вперед фонарик, ввинтился в отверстие. Саня последовал за ним.

После поворота лаз постепенно расширялся. Они передвигались уже в полный рост. Над головами нависали тяжелые глыбы, с них капала вода. Храбрецы ежились, когда холодные горошины попадали за ворот, но продолжали путь.

Стали попадаться беспорядочно валявшиеся обломки дерева. Наткнувшись на гнилое бревно, Саня предупредил товарища:

— Гляди в оба, может быть обвал.

Димыч поводил фонариком и ахнул:

— Смотри-ка!

В дрожащем кругу света Саня увидел то, что так поразило Димыча. Свежие стойки, поблескивая незастывшей смолой, упирались в своды. Такая же крепь шла и дальше.

Это значило, что здесь совсем недавно кто-то побывал. Хорошо это или плохо?

— Вот так дела!— вырвалось у Сани.— Не перевелись еще искатели приключений!

— А ты говоришь...— Димыч не закончил фразу. Перед глазами Сани мелькнули только его сапоги, и Димыч с шумом исчез.

— Ты куда?— растерянно спросил Саня, озираясь по сторонам, точно они гуляли в городском саду и Димыч вдруг завернул не в ту аллею.

— Осторожней, Сань!— раздался снизу голос Димыча.— Здесь нет ступенек.

Подземный ход оборвался, и Саня высветил вихрастую голову Димыча. Тот протянул руку, и оба оказались в просторной пещере. Самой настоящей пещере, где мог бы уместиться не один деревенский дом.

— Шикарный грот!— цокал языком Димыч, обводя фонариком подземное убежище.

— Постаралась природа,— согласился Саня.

Природа постаралась на славу, создавая это каменное чудо. Стрельчатые своды, замысловатые арки, массивные колонны были словно вырублены рукой человека.

По мощным стенам, как в рыцарских замках, разбросаны террасы, ощетинившиеся каменными копьями, как будто там караулили покой феодалов бессонные стражники.

А дышать здесь было лучше, чем в колодце, воздух был свеж и чист. Совсем не чувствовалось, что над головами нависла многотонная толща породы.

Негромко названивал ручей, уходящий под антрацитово блестящие глыбы.

Димыч метр за метром высвечивал стены пещеры. Казалось, монолит не имел даже легкой трещины. И никаких самоцветов и золотоносных жил, даже слюдяного сияния неприметно.

Но что же тогда привлекает сюда людей? Простое любопытство? Архитектура природы?

Они обогнули пещеру по периметру и оказались перед расселиной, спрятавшейся за острой скалой. На них дохнуло холодом, и Саня, очутившись впереди, от неожиданности качнулся в сторону и толкнул товарища. Димыч в свою очередь зацепился ногой за булыжник и рухнул как подкошенный. Его фонарик погас.

И тут Саня с ужасом увидел, как на лежащего Димыча валилось что-то большое и белое...

(2) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Приснись такое жуткое зрелище — сердце откажет, а тут наяву.

Саня обмер, решительно не зная, что делать.

— Посвети-ка сюда! Дай разглядеть, чем это меня оглоушило...

Фонарик ходуном ходил в Саниной руке, он пытался отделаться от противной дрожи, но не тут-то было. Хорошо, что Димыч не видит его лица.

— Ого,— продолжал Димыч.— Теперь вместо скелетов вход в подземное царство охраняют мешки.

Саня подавился нервным смехом, ему стало невмоготу в этом сразу утратившем очарование волшебном мире.

— Пойдем назад,— неуверенно предложил он,— ну их к черту, эти изумруды!

— Без паники, Сань, я еще не огляделся...

Но оглядываться не пришлось. Димыч без перехода приказал:

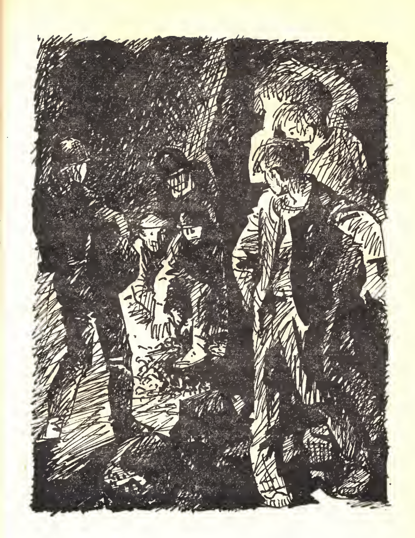
— Гаси свет!

Саня услышал какой-то шорох. В глубине расселины вспыхнуло оранжевое пятно, за ним еще одно, послышались слабые, отдаленные голоса и шаги.

Димыч крепко ухватил товарища за рукав и потянул в нишу, притаившуюся за соседним выступом. Они старались не дышать, не без основания полагая, что внезапная встреча не предвещала ничего хорошего.

Пещера чуть озарилась. В этом зыбком освещении были видны три темных фигуры, отбрасывающие гигантские тени. Основной свет давала керосиновая лампа, которую нес один из пришельцев. Другой был с фонариком, лопатой и киркой, а третий горбился под тяжестью мешка.

— Хорош!— сказал тот, что с лампой.— Перекурим, а потом переберем сланец.

Они молча покурили и сиоровисто принялись за работу, которая при таком гибельном свете обнаруживала их совиное зреиие. Копошились над мешком долго и нудно. Саня и Димыч без движения продрогли, но открывать себя незнакомцам им было страшновато. Кто зиает, что за люди...

— Н-да...— заговорил, вставая с коленей, обладатель командирского голоса.— Не густо. Товар неплохой, ио мало. Пора переходить в Сухую балку, там сланец побогаче...

— Это как сказать,— воспротивился человек в капюшоне, как бы продолжая старый спор.— Здесь мы каждую лазейку знаем, а там никто ие бывал. Пока развернешься — лето пролетит.

— Вот уж тебя не спросили,— поставил точку командир.— Тащи-ка лучше вчерашний мешок, а то опять ничего ие успеем.

Ворчуи иеохотно встал и направился к скале. Он так близко прошел мимо спрятавшихся мальчишек, что оии услышали его дыхание и при желании могли косиуться его рукой.

«Сейчас что-то случится»,— сглотиул слюну Саня и еще тесней прижался к Димычу.

Доставив мешок, ворчуи в капюшоне сердито сказал до сих пор молчавшему здоровяку:

— Сачкуешь, курва, а тут надрывайся...

Тот вскинулся как на пружинах.

— Чья бы корова мычала!.. Ты где это его ополовииил? Нет, смотри, что делается!? Из дальнего забоя на себе тащил и не просыпал, а этот шнурок... Ничего иельзя поручить. У, змей!

— Да не трогал я его!— огрызнулся капюшон.—Сколько было, столько и прииес. Разуй глаза, утюг!

— Тихо!— прикрикнул старший. Он поднял лампу, расширяя круг света.— Неужели накрыли? Все, братва,

надо рвать когти! Хватайте инструмент, мешки не забудьте...

Здоровяк забросил мешок со сланцем на плечо, но старший расшипелся:

— Чирикнулся?! Породу в ручей!

И сам принялся сгребать лопатой отработанный сланец в воду.

Через минуту все трое скрылись во тьме подземного лаза, ведущего на поверхность.

ГОСТИНИЦА «АМЕРИКАНСКИЕ НОМЕРА»

(1) Екатеринбург. Май 1918 года

На станции Екатеринбург-2 Вологжанин, не торгуясь, нанял извозчика, который лихо доставил их в центр города.

Смешавшись с толпой, они направились от плотины вниз по Главному проспекту.

В драной солдатской шинели и выцветшей смятой фуражке, небритый, Вологжанин ничем не напоминал бывшего офицера. Котомка на спине делала его ниже ростом. Разве что гвардейская осанка могла послужить поводом заподозрить в нем совсем не того окопника, за которого он себя выдавал.

Это едва заметное несоответствие не бросилось в глаза дежурившему у гостиницы «Пале-Рояль» Андрею Лобачеву. Молодой, но уже тертый мастеровой с завода Ятеса, он всего несколько недель работал в ЧК и не приобрел еще той зоркости глаза, которая отличает людей из этой организации.

Правда, на днях оперативная группа, в которую вхо-

дил Лобачев, провела незаметно для посторонних арест на станции невзрачно одетого пассажира. Он оказался капитаном Степановым, посланным из Симбирска одним из вождей белого движения полковником Каппелем для связи с белочехами. Капитан Степанов вез также инструкции для заговорщиков.

Лобачева больше привлек мальчишка, показался испуганным, затравленным.

На перекрестке рослый солдат остановился и стал что-то выговаривать своему маленькому спутнику. Тот послушно кивал головой, но на солдата не глядел. Что-то, Лобачев еще и сам не мог конкретно сказать что, настораживало в живописной парочке.

— Ваши документы, граждане?

Вологжанин съежился, стараясь стать меньше.

— Чего?— переспросил он, будто не расслышав.

— Документы, говорю...

— А... Нету документов. Какие документы. Племяша вот привез доктору показать. Ишь, руку рассадил — гноится, как бы не отрезали.

Управляющий поднял вверх Макаркину руку, показалась рана, она выглядела страшновато. Лобачев приметил, что дядя цветет от точного попадания, ведь рана произвела должное впечатление.

«Ага,— решил чекист про себя.— Сейчас я заглочу живца».

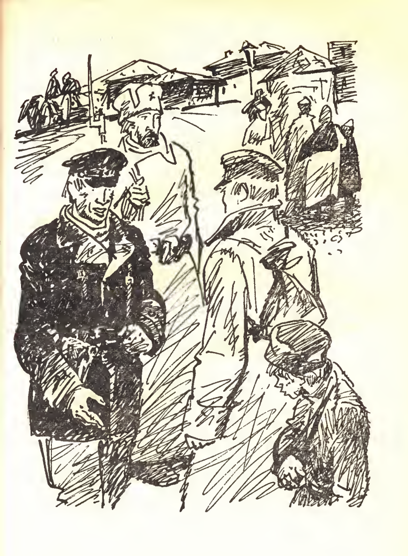
— А ты что скажешь, паренек?

Макарка испуганно взмахнул ресницами.

— Болит, дяденька, болит, спасу нет... А он пообещал... к доктору... Тот, говорит, мигом вылечит.

Лобачев выделил для себя это краткое, отчужденное «он» и тоже широко, открыто улыбнулся солдату, дескать, извините, служба, ничего не поделаешь.

— Верю, граждане, верю... А вот то, что без документа, обидно, придется задержаться.

Улыбался, а в это время соображал, где этот чертов дядя в солдатской шинельке оружие держит.

— Слышь-ко, земляк, не дело это. Спешим, как бы к доктору не опоздать...

— Порядок такой,— простодушничал «земляк».— Солдат, должен понимать. Вот представлю вас по начальству, оно и решит. Да не пугайтесь, вас тут много таких, на каждого конвоиров не напастись.

Последняя фраза убедила Вологжанина в том, что напал на ревнителя служебного долга. Эх, будь у него сейчас завалящая бумажонка на имя Силантия Воронкова, сунул бы ее под нос мужлану и поплевывал в потолок. Но нет ее, бумажонки. Лишь бы Макарка не подвел!

Они дошли до гостиницы «Американские номера», и только здесь понял Вологжанин, какому богу молится простоватый молодой человек, в котором он обманулся,— в гостинице располагалась Уральская ЧК.

(2) Екатеринбург. Май 1918 года

Камера находилась в подвальном помещении, в ней уже было порядочно задержанных. Макарка в первый раз видел так близко жуликов и бандитов.

Вон тот громила, что держится особняком, наверняка страшный убивец!

Бедный Макарка, откуда ему было знать, что преступников он квалифицирует совсем как небезызвестный итальянец Чезаре Ломброзо — по внешним признакам.

То-то бы он поразился, узнав, что громила на самом деле обыкновенный банковский чиновник, имевший глупость принять участие в саботаже постановлений советской власти, а белокурый красавец с ангельским взором

и есть знаменитый своими преступлениями Васька-мокрушник, уголовник, исполнитель приговоров, которые выносила красным террористическая офицерская группа.

Очутившись в тюрьме, Макарка, и без того убитый, совершенно сник. А вдруг отсюда никогда не выпустят?

Вологжанин шептал в ухо:

— Как условились, Макарка, как условились, по-честному. Дядя Силантий, и все, стой на своем. Выпустят и тебя, и меня, непременно выпустят, и тотчас к доктору. А сейчас вот что...

Он вложил в Макаркину ладонь клочок бумаги.

— Выпустят раньше — передашь Розерту. Найдешь его в гостинице «Пале-Рояль», это там, где нас взяли, скажи, пусть ждет меня. Да не любопытствуй, все равно ничего не поймешь.

И совсем тихо, еле слышно:

— Это очень важно, не трусь... Он тебе кучу денег отвалит, корову мамка купит. Но если... Ты меня знаешь!

Макарка пустил слезу.

Вологжанина вызвали на допрос первым. За ним пришел пожилой усатый рабочий в кожаном картузе.

— Кто Воронков Силантий? Выходи!

Взгляд у него был усталый и участливый. И Вологжанин, отметив это как доброе предзнаменование, пошел на выход. Но прежде он сбросил с себя шинель, заботливо укрыл ею Макарку.

— Племяш,— пояснил часовому.— Совсем захолодал пацан.

На мгновение Вологжанин опнулся и дал добродушный совет мальчику, подмигнув ему при этом покрасневшим глазом:

— Макарка, ты тут без меня рукой-то побережней, побережней, неровен час, растревожишь рану.

Понял Макарка, что хотел сказать ротмистр: много не болтай. И горько сглотнул набежавшую слюну.

(3) Екатеринбург. Май 1918 года

То и дело хлопала обшитая листовым железом дверь камеры. Кого-то вталкивали, кого-то уводили.

Камера угрюмо молчала.

Ротмистр не возвращался. Зато пришел часовой и забрал его шинель.

Макарка изрядно продрог: май не из теплых, а вокруг камень. Пытаясь согреться, мальчик засунул руки под кофтенку и наткнулся на кармашек, куда спрятал записку Вологжанина.

Грамотей из Макарки никакой, две зимы ходил в школу еще в Камнегорске, но слова научился складывать. Бумажка была серой, оберточной, из нее чуть ли не торчали мелкие щепки.

Развернул ее негнущимися пальцами — ничего понять не может. Начало разобрал: «Г-ну Розерту. Второй вариант...», дальше, как ни силился, не одолел. Сообразил после, что не по-нашему писано.

Сунул мальчик записку в кармашек и задумался. Неладно у него получается, ох неладно.

Прошло еще немало времени, и он решил, что про него забыли, но тут громыхнула тяжелая дверь и просунулась голова такого же молодого чекиста, что задержал их на шумной городской улице.

— Воронков! Вызывают!

Сперва шли длинным коридором, потом поднялись по холодной лесенке на второй этаж, а там комната на комнате. У одной остановились.

Парень постучал, затем переступил порог.

— Николай Иванович, заводить?

— Давай, товарищ, заводи, а то дядя заждался,— отозвался насмешливый голос.

В комнате было просторно. За столом седой средних

лет военный в гимнастерке, перепоясанной ремнями крест-накрест. Чуть поодаль усатый часовой, а перед ним высился на стуле Вологжанин. Его тяжелый взгляд остановился на Макарке.

Следователь оторвался от бумаг.

— Ступай, товарищ, мы тут сами разберемся.

Голос у Николая Ивановича надтреснутый, похоже, что он простыл или много курит. Но перед ним ни папирос, ни пепельницы, а вот Вологжанин пускает дымные кольца, любуясь ими, как произведениями искусства.

— Ты садись, Макар, садись.

Мальчик оглядел комнату; свободный стул находился возле Вологжанина, но следователь остановил легким взмахом руки.

— К нему не надо, твой дядя сегодня не в настроении. Устраивайся на диване.

Притулившись на краешке большого мягкого дивана, Макарка уставился на следователя.

— Так ты, Макар, получается, потомственный дворянин?

В голосе следователя слышна насмешка, и мальчик почувствовал ее всей кожей. Он невольно хихикнул, как бы оглядел себя со стороны.

— Гражданин следователь, бросьте валять дурака!— не сдержался ротмистр.— Я вам уже все рассказал о себе. Не впутывайте мальчишку в эту историю, прошу вас... Нынче не в моде бывшие офицеры, вот и назвался чужой фамилией. Разве это преступление.

Николай Иванович внимательно выслушал тираду разгневанного Вологжанина и, не возразив ему, сказал Макару:

— Что ж ты, дружок, а еще трудящийся человек! У нас, рабочих, должно быть классовое сознание. Он, Вологжанин, по-твоему, очень добрый и хороший, раз ты его в дядья записал?

— К доктору, говорит...— уныло пробормотал Макарка.

— К доктору? А не он ли тебе руку изувечил? Молчишь?

Следователь поднялся, вышел из-за стола. Ростом и фигурой он, пожалуй, не уступал Вологжанину, а в кости был покрепче. Часовой встрепенулся, перехватил винтовку и придвинулся к арестованному, опасаясь, как бы тот чего не выкинул. -

— Вас, гражданин Вологжанин, обвиняют не в том, что были офицером. Многие офицеры русской армии преданно служат рабоче-крестьянской власти, и мы благодарны им, сам Ленин высоко ценит военных специалистов. Есть в ваш адрес обвинение серьезней. Вот оно,— следователь раскрыл ладонь, и на красное сукно стола посыпались яркие самоцветы.— Откуда это у вас?

ЦЕНА ДВОРЯНСКОГО СЛОВА

(1) Екатеринбург. Май 1918 года

Необработанные изумруды таких цветов Макарке не встречались, он с детским любопытством, закусив от волнения губу, взирал на камни.

Ротмистр же побледнел. Он до сей страшной минуты еще надеялся, что пронесет, что чекисты не тронут его обшарпанную шинелишку.

Он сделал попытку встать, что-либо предпринять, но рука часового тяжелым грузом прижала к стулу.

Николай Иванович повторил:

— Я спрашиваю, откуда это у вас, Вологжанин?

Не отвечает Вологжанин, беззвучно шевелятся тонкие губы, обложенные синеватой щетиной.

— Думали, не найдем? Напрасно. Нашли, Вологжанин, нашли, не могли не найти. Знаете, кто вы после этого? Вы не просто обманщик, но и самый заурядный вор, запустивший руку в казну республики!

Ротмистр непритворно возмутился:

— Вы не смеете! Слышите? Я дворянин!

— Вношу поправку. Вор благородного происхождения.

Вологжанин перешел в наступление:

— Знаю я ваши штучки, подсунули, а теперь «с поличным», да?

— Полно, господин ротмистр, вздор городить. Можно подумать, что это я управлял Воскресенским изумрудным прииском.

Подавлен Владислав Антонович, подавлен, смотрит невидящим взглядом, как загнанный облавой волк.

Схватившись за сердце, терзается ротмистр Вологжанин, клеймя минутную слабость, когда на Рассохах не сумел подавить желание заглянуть в саквояж.

Теперь все его мысли о записке, переданной Макарке. Этой улики будет достаточно, чтобы обвинить его в контрреволюции. Розерта эти суровые «товарищи» знают, а тот связан с поручиком Голубевым... О Голубеве ротмистра уже расспрашивали.

Желваки заходили на небритых щеках Владислава Антоновича. Обнаруженная записка — это все, это крах, это конец жизни, которая еще совсем недавно мнилась ему беспредельной.

Вологжанин молил бога, чтобы Макарка не проговорился.

А Макарка словно начисто забыл, где находится, любуясь на самоцветы. Он и на свое имя откликнулся не сразу.

— Гражданин Макар Воронков, вы подтверждаете, что этот человек — бывший управляющий Воскресенским изумрудным прииском «Анонимной компании» Владислав Антонович Вологжанин?— перешел следователь на официальный тон.

Мальчик искоса взглянул на ротмистра. Тот взирал на него не мигая, как заклинатель змей.

— Подтверждаю, дяденька.

— Писать умеешь? Подпиши...

Макарка неуклюже вывел свою фамилию под протоколом допроса.

Следователь попросил прислать к нему Лобачева. Молодой чекист не замедлил явиться.

— У меня к тебе личная просьба, Андрей,— обратился к нему следователь.— Ты, помнится, мать отправил в деревню и живешь один. Пригласи в свои хоромы товарища Воронкова, пусть переночует, а утром покажи доктору. И об отправке его домой позаботься.

— Есть, Николай Иванович,— Лобачев был весьма доволен таким оборотом и взял Макарку за плечо:— Пойдем, товарищ Воронков. Гостем будешь.

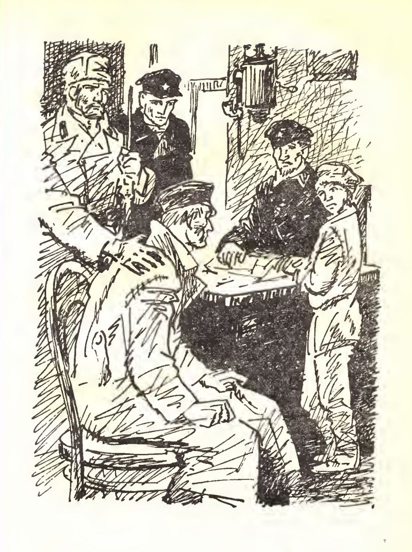
(2) Екатеринбург. Май 1918 года

В отсутствие Макарки ротмистр держался увереннней. Макарка не выдал, ЧК не съест. Арестованный начал наглеть.

— Продолжим, Николай Иванович? Простите фамильярность, беру пример с ваших орлов. Разве это по-воински: «Есть, Николай Иванович...» Смешно, вы же диктатура пролетариата.

Вологжанин глубоко затянулся и опять выпустил серию изящных колечек дыма, догоняющих одно другое.

Полюбовавшись ими, заметил:

— А вы больше интеллигентный человек, нежели рабочий от станка. Это приятно. Я к тому, что глупому Макарке не пришили измены революционному долгу.

— Ну что вы, Владислав Антонович,— принял игру следователь.— Как можно! Ваши коллеги и без того на всю Россию колоколят о зверствах большевиков, которые не жалеют ни стариков, ни младенцев. Не так ли?

— Сдаюсь,— поднял руки Вологжанин.— Ваша правда, потому хочу покаяться. Пишите: я бывший управляющий... ну и так далее... В целях личного обогащения утаил...

— Не спешите, я записываю... Это, полагаю, только начало нашего разговора?

— Начало?— опешил ротмистр.

— А как же! Вы куда, собственно, собрались Владислав Антонович? Не в Париж ли? В таком разе с вашим мизером,— следователь кивнул на стол,— там долго не продержитесь. А потому логичен вопрос: где остальные изумруды?

— Помилуйте, о чем речь? Вся прошлогодняя добыча увезена владельцами. Нынче же на прииске настоящий бордель, никто не желает трудиться...

— А эти камушки?

— Мелочишка. Уж и не помню, когда к рукам прилипло, не смог себе отказать. Я бы на вашем месте задал другой вопрос. Например, почему я только сейчас дал деру? Интересует? Так вот, про бордель я уже говорил — это меня не устраивает. Я выжидал, думал, ненадолго вас хватит, и все вернется на круги своя. Ошибался. Вы надолго, и меня это напугало...

— Браво, ротмистр! Весьма разумные выводы.

— Тесно мне с вами на одной земле, вот и бегу, закрыв глаза. В Париж ли, в Константинополь или еще куда...

— Но при чем здесь русские изумруды? Если родная земля не мила — бегите, планета велика. А ценности верните... тому же Макарке. Глупый он, говорите? Нет, он еще не раскрылся, но уже имеет больше прав на эти камушки. Итак, вернемся к изумрудам.

— Опять сказка про белого бычка! Дались вам эти изумруды.

— Вы же военный человек, ротмистр. А между нами, вы правы, кипит гражданская война, построенная на вековой ненависти. Но ненависть не исключает чести. Ну понимаю, черт попутал, соблазнились, так ведь есть возможность снять грех с души...

— Ну поп из вас никакой, хотя вы и упорный товарищ. То навязываете в сообщники какого-то Голубева, то требуете миллион...

— Мы не в дворянском собрании, гражданин Вологжанин. Да и словом своим вы не дорожите. Разве час назад от этой «мелочишки» не отказывались?

Вологжанин молчал.

— Ну ладно, оставим эту тему. Значит, вам нечего сказать и о Розерте? Странно это. Розерт, мы знаем, погрел руки на изумрудах, и это не последний его грех. Так кто кого оделил камушками — вы его или он вас? Или из одной мошны брали?

Зазвонил телефон. Николай Иванович снял трубку, послушал.

— Хорошо, товарищ Юровский, сейчас буду у вас.

Он дал отбой и махнул часовому. Вологжанин поднялся, ощущая лопатками холод штыка, у порога обернулся.

— Господин следователь Николай Иванович, как новые законы квалифицируют мой случай?

— У нас еще будет время об этом потолковать.

Чекист уронил руки на стол, покрутил-повертел один из камушков. Велеречив гвардейский ротмистр, но тем-

нит, ох темнит! За кордон уходят иначе, не с пятком изумрудов. Потянуть ниточку — клубок распутается. Но где эта ниточка?

Шла первая летняя ночь, но мечтать о сне не приходилось.

(3) Екатеринбург. Июнь 1918 года

Юровский, один из руководителей Уральской Чрезвычайной комиссии, пригласил следователя по очень срочному делу.

— Ну и гусь этот Вологжанин,— Юровский протянул Николаю Ивановичу свернутый вдвое лист бумаги.— Полюбуйтесь!

Следователь скользнул по первым строчкам и удивился:

— Это частное письмо?

— Не совсем... Да вы читайте, читайте.

Наконец Николай Иванович наткнулся на подчеркнутое карандашом и прочел вслух: «Вполне подходит для нашей операции и ротмистр Владислав Антонович Вологжанин. В бытность свою в гвардии собственноручно расстрелял большевика-агитатора, чего ему не простили аристократические чистоплюи. Я мог бы поручиться за этого надежного офицера...»

— Офицеры офицера судили? — недоумевал следователь.

— Да, в гвардии сохранялось благородство русской армии, офицерская честь превыше всего. А ротмистр убил человека без суда и следствия, как последнюю собаку. Мы должны еще выяснить имя этого рядового партии.

Юровский задумался, провел ладонью по черной бородке.

— Откуда письмо, Яков Михайлович?

— Перехвачен курьер с секретными инструкциями из Симбирска, от Каппеля. Кое-кого, благодаря этому письму полковника, удалось обезвредить. Вологжанина взяли на заметку, но не знали, где он пребывает.

— Я как чувствовал, что тут не только изумрудами пахнет! Не за что схватиться было, но теперь я прижму его фактом. Можно, допрошу Вологжанина сию минуту?

— Надо, Николай Иванович, надо. Время дорого, а его мало. Чехи с белыми близко.

(4) Екатеринбург. Июнь 1918 года

Дежурный совсем недавно — еще чай не успел выпить — водворил Вологжанина под замок, но приказу не удивился. И не такое бывало в этом доме.

Загремели ключи, и в коридоре появился Вологжанин Он был обескуражен повторным, почти без передышки вызовом на допрос. Понял, произошло что-то непредвиденное. И вряд ли приятное для него.

Следователь ждал его стоя. Он был сух и коректен

— Гражданин Вологжанин, сожалею, что вынужден прервать ваш сон, но дело не терпит отлагательства..

Мрачной тенью качнулся ротмистр.

Резко заныло сердце. Проснулся тот давний страх перед большевиками, который он старательно загонял внутрь, топил в призрачной надежде на счастливый исход Когда следователь попросил вспомнить подробности фронтового убийства, у Вологжанина не хватило выдержки Он заскрипел зубами, и страх, таимый эти годы, выплеснулся наружу. С ротмистром случился нервный припадок. Он не отрицал ничего. Только об изумрудах молчал...

«Господи!— бессвязно взывал Вологжанин.— Еслн ты есть, сделай так, чтобы Макарка пропал вместе с запнской! Чтобы он сдох! Утонул!.. Господн!»

Бог молчал.

Только желтое расплывчатое пятно лампочкн вздрагнвало и пригасало.

Утром Вологжаннн не поднялся.

Спешно вызванный медик засвидетельствовал смерть, как результат затяжного сердечного приступа.

ИЗ ОДНОЙ ВОЙНЫ — В ДРУГУЮ

(1) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Прнрода над Большим Створом первозданная, дикая. Сосна с черемухой переплелась, рябнна с березой. Папоротники в рост человека. Ручьн, неизвестно где берущие начало и неизвестно куда исчезающие, бегут себе, названивая под шелест нзумрудной травы, пахнущей ягодой земляной. Один узенький, как змейка, торопливый, разговорчивый. Другой — вброд надо переходить — степенный, раздумчивый, словно отдыхает после быстрого бега, выравнивает дыхание, вырвавшнсь из подземных хранилищ.

Однн ручьи впадают в большне и малые реки, другие через сотню шагов, обессиленные, иссякают; прячутся в почву или сохнут, не одолев пространства, оробев перед валежником, н остаются от них серые бочажнны, хлюпающне болотца, в которых даже лягушки не отваживаются жить — настолько онн мелкн.

Высмотрел такой ручей дед Макар Воронков; понравилось, что бежал он возле глубокого котлована. Возможно, раньше тут были старательские закопушки или шахты «Анонимной компании». Перегородил ручей плотиной и заставил течь в ямищу. Так и образовалось Макарово озерцо — чистое, холодное, голубое с зеленью от затонувших в нем отражений деревьев.

Дорога кружила, то прячась в таежине, то стремительно выскакивая на березовые вырубки. Вдруг она, сделав петлю, вынырнула под линией электропередачи. И Саня услышал ровное гудение, будто река впереди. Но это шумела ЛЭП, перекачивая мощь турбин в нефтяные и газовые края.

Солнце стояло точно над озером. Надсадно звенели комары, им не мешал и дым костра, яростно пожирающего сухой лапник.

Макар Андреевич ловко чистил рыбу перочинником, бросая серебристые внутренности в разошедшийся не на шутку огонь.

(2) Екатеринбург. Июнь 1918 года

В своих хоромах — приземистом домишке на два оконца — Андрей Лобачев накормил Макарку картошкой, угостил молоком из погреба. Сытная по голодным временам еда и усталость валили с ног, и Андрей едва успел рассказать о себе. Отец погиб зимой на дутовском фронте, сам он будет служить в ЧК, пока не победит мировая революция. А когда она победит, будет веселая житуха у таких, как Макарка и он; Вологжанин и подобные ему вымрут, потому что люди придут в обитель справедливости.

Это Макарку устраивало, и, подумав немного о светлом будущем, он крепко и спокойно уснул.

Поднял хозяин рано, но Макарка чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Даже рука меньше болела. Лобачев торопливо одевался.

— Понимаешь, Макар,— сказал он,— пока мы спали, контра обнаружилась. «Дядька» твой разговорился. Бегу я, ладно? А ты ступай к нашему дежурному. Жди меня там. Найдешь?

Как не найти, ЧК через дорогу. Дождется Андрея, когда он контру поймает, и попросит отправить на станцию. Загостился в городе, пора и честь знать. И тут как обожгло Макарку — записка Вологжанина!

Хорошее настроение пропало.

Чекист уловил перемену, но истолковал по-своему.

— Ты не горюй, доктор не уйдет. Вот только освобожусь, я тебя самому главному профессору покажу... Считай, ты уже здоров!

Знал бы он Макаркину печаль! Ну как скажешь, что надо идти к чертову Розерту? И не нужны Макарке его деньги, без коровы обойдутся. Но Вологжанин...

— Дядя Андрей, а Вологжанина выпустят?

Чекист присвистнул.

— Нашел о ком думать. Он птица важная, его ты не скоро увидишь, если вообще доведется встретиться.

Может, показать проклятую бумажку Лобачеву? Нет, скажет: утаил, контра такая!

Поплелся Макарка со двора, чувствуя, как дымится мамкина кофта от записки Вологжанина.

— Макар, а ну-ка стой!

Вздрогнул Макарка, остановился.

Лобачев краюху хлеба протянул.

Едва отошел, опять Лобачев:

— Макар!

«Вот теперь хана,— решил Макарка.— Раскусил меня чекист».

А он газетку сует, заверни, мол, хлеб, как бы не отобрали.

Побрел Макарка узеньким переулком, проклинает себя: «Буржуйский пособник! Тебе как человеку поверили...» До чего безрадостная жизнь, а все записка виновата, ни дна ей ни покрышки. Вытащил записку — пальцы затряслись. Хочет порвать ее на множество клочков и не может. Вопреки воле рука сама вдавила квадратик бумаги в хлебный мякиш, от которого отщипывал лакомые крохи.

Уф, отлегло от сердца, дышать легче!

Так и шел по залитому солнцем большому городу куда глаза глядят. Возвращаться в ЧК было совестно, а как попасть домой — он не знал.

На мощеной улице встретилась колонна красноармейцев. Много их, впереди строя командир на коне, бинокль поблескивает, на боку сабля покачивается. Бойцы идут весело, по сторонам не глазеют.

— Чехов бить!— завидует незнакомый городской мальчишка и скачет вприпрыжку. Чинный господин теснит Макарку с тротуара, на красноармейцев не смотрит, нехорошо ему от одного их вида делается.

Колонна скрылась за поворотом, вслед полевая кухня прогрохотала, и улица опустела. Редкие прохожие ближе к домам жмутся. Тетка с бидоном пробежала, злющая собака загавкала. И вдруг — выстрел, еще один...

Из-за ближнего каменного дома два мужика топают сапожищами, у одного в руке наган. «Да это же Розерт!»— ахнул Макарка и, струсив, как заяц, закрутился на месте. То ли Розерт не признал, то ли не до приискового знакомца было, но пронесся мимо. А второй, набежав, двинул Макарку локтем, как кувалдой.

Очнулся мальчик и увидел: лежит тот мужик на спине, ногу подогнул, рядом кровь. А над ним стоит Лобачев, ну да, Лобачев! А Розерта нигде нет, ушел от чекистов.

Лобачев Макарке не удивился:

— Давай с нами. Повезем этого гада в больницу, а потом...

Уже далеко отъехали — хватился Макар свертка с хлебом. Здорово шарахнул его бандит!

Так сам по себе и решился вопрос о записке.

(3) Макарово озеро. Июнь 1988 года

После наваристой ухи Саня быстренько вымыл посуду, предвкушая продолжение рассказа деда Макара, и подсел к нему. Старик осторожно погладил ногу, поморщился, возвестил:

— Можжит, опять дождю быть...

Саня взглянул на ясное небо, но спорить не стал.

— Сомневаешься в прогнозе? Напрасно, это у меня верный барометр. Только вот дороговато я за это бюро прогнозов заплатил. Через него, можно сказать, и в плен попал.

— Как в плен?— не понял мальчик.

— А так, обыкновенно,— горестно усмехнулся Макар Андреевич.— Под Харьковом в сорок втором...

Он поворошил сучья в костре, помолчал, проверяя себя: а надо ли бередить прошлое, стоит ли?

— Стратегии, конечно, по молодости не понимал и слова-то такого не слышал. Сейчас, знаю, вся война по полочкам разложена, на генштабовских картах расписана и обнародована.

Сказали нам, надо Харьков вернуть, ну и пошли ворочать. Я командир отделения, у меня семь человек. Роте

нашей поручили к вечеру невеликую шоссейку западнее городка Балаклеи оседлать. Вот и вся стратегия.

Поднялись и пошли по команде политрука, ротного уже положило насмерть. Бежим, стреляем. Куда стреляем — не видим, одно ясно — враг спереди, там ихние «шмайссеры» стучат. Поле большое, открытое. Бежим, рты раззявив, сплошное «Ура!». А я все время на своих оглядываюсь, вдруг кто спасует. И догляделся, зацепило так, что белый свет померк, как в пропасть провалился.

Очухался в темноте. Нога не своя, хвать за нее, а в сапоге хлюпает. Жалко стало себя, но жалость глушу обидой на товарищей. Шоссейку, видать, взяли, а меня за убитого сочли. Ползу вперед и вижу: огоньки по полю перебегают. Курят, черти, а тут хоть подыхай. Закричал что было силы и сознание потерял.

Открываю глаза от яркого света — фонарик электрический в лицо бьет, дымом табачным пахнет. Я в те дни курил и за курево мог пайку хлеба отдать. Ребята, говорю, одну бы затяжку... И как прозрел: не наши это, не было у наших фонарей. А раз не наши, стало быть, немцы.

Не взяли мы свой рубеж. Вот тебе «броня крепка и танки наши быстры»...

Многие тыщи в те дни попали в окружение, а после и в плен. Из роты нашей у немцев оказалось вместе со мной человек двадцать и политрук, в голову контуженный. Он, бедняга, тут же отмучился: по красной звезде на гимнастерке опознали в нем комиссара и — в расход. А нас, рядовых, загнали за колючку, в лагерь для военнопленных.

Спасло меня то, что ногу насквозь прошило, никакая холера не привязалась, а условия были — страшнее не придумать. Держали под открытым небом, кормили раз в сутки: кусок хлеба с опилками, баланда с затхлой мукой.

И столько во мне злости на этих выродков накопилось, что встал я все-таки на ноги, не сдох.

По первому снегу отобрали охранники группу из тех, кто ходить мог, и повели на железную дорогу. Кумекаем, пути восстанавливать, партизаны их крепко шуровали. А нас в телячьи вагоны посадили и в Германию... Едем на запад, жить не хочется, тоска...

Макар Андреевич подбросил в костер сухару, и отблески пламени забродили по лицу, выхватили из темноты ближние кустарники. Саня неотрывно смотрел на его корявые руки, ломавшие сушняк, и ждал, что вот-вот он скажет спасительную фразу: «Тогда и удалось бежать к партизанам...» — и все завершится благополучно.

Но Макар Андреевич закончил совсем не так.

— О побеге думали все, не у всех получилось. И у меня не вышло: выломал доску в полу вагона, а тут станция, проверка, Избили так, что думал, конец пришел, больше не поднимусь.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

(1) Лидингенхейм. Август 1943 года

Лотарингия. Маленький городок Айанж. Концентрационный лагерь Лидингенхейм. Здесь Воронкову выдали башмаки на грубой подошве и порцию мутной жижи с гнилой картошкой.

К лагерному рациону человек привыкает. Обувка так себе, но терпима. А вот когда стали номер накалывать на тело, Макар вышел из себя.

— Я не скот!— гневно запротестовал он.

— Я! Я!— оскалился эсэсовец.— Ти не есть скот, скот — это хорошо. Ти есть швайн! Руссиш швайн!

Макар потерял самообладание. Сейчас он схватит этого сытого, пышущего здоровьем блокфюрера и будет рвать ему горло...

Пленный сделал шаг вперед, и эсэсовец зацарапал лакированную кобуру пистолета. В этот миг на плечо Макара легла рука соседа по нарам, которого все звали Грузином. Никто, даже в канцелярии лагеря, не знал его фамилии. Был он молчалив, замкнут, но пленные тянулись к нему, чувствуя силу, волю, убежденность. Даже здесь Грузин занимался гимнастикой.

— Отставить, сержант,— твердо сказал Грузин.— Выдержка — это тоже оружие.

Кто он был, этот человек? Известно одно — летчик и, судя по возрасту, в немалом чине.

Кто Грузин? Этого изо дня в день добивался щеголеватый Валька Каин, в прошлом лейтенант-кавалерист Кучеренко. В ладной командирской гимнастерке, хромовых сапогах, с выпущенным из-под кубанки пышным чубом Валька Каин пользовался расположением коменданта и не уступал в палачестве матерым эсэсовцам.

Ежедневные допросы летчика он начинал так:

— Как поживаешь, сталинский сокол?

Грузин словно не замечал предателя.

— Так,— свирепел Кучеренко,— презираешь? Да? Гордый? Да? Чего ж тогда ты в плену, горный орел? Тоже ручки выше башки задрал, когда смерть в глаза посмотрела?

Молчание.

В ход шла нагайка.

Молчание.

Он так и не сдался, летчик Грузин. Когда в очередной раз Кучеренко накинулся на него, он вырвал нагайку и, отделав ею спину бывшего лейтенанта, брезгливо переломил черенок.

Наутро Грузина повесили.

А следующей ночью Вальку Каина настигла справедливая кара. Его нашли по подошвам сапог, торчавшим из выгребной ямы.

И без того невыносимая лагерная жизнь усугубилась донельзя. Тройные утренние и вечерние проверки, неоднократные подъемы по ночам, увеличенные нормы в каменоломне, уменьшенные пайки, наказания без малейшего повода...

Макару дважды не повезло.

Сначала его допрашивали с пристрастием как соседа Грузина по нарам. Немцев очень интересовало, кто расправился с их кровожадным холуем. Макар не знал этого и радовался тому, что не знал, потому что боялся однажды не выдержать под кнутом блокфюрера.

А теперь его взял в оборот штандартенфюрер Эрик Розерт.

Да, тот самый Розерт, некогда начальник охраны Воскресенского изумрудного прииска, компаньон Вологжанина, ротмистра гвардии его величества.

(2) Лидингенхейм. Август 1943 года

Он прибыл в Лидингенхейм, чтобы расследовать дело попавшегося на финансовых операциях лагерного чиновника, и был наделен самыми суровыми полномочиями. Было у него еще одно, приватное поручение. Военный комендант Парижа генерал фон Шаумберг просил его отыскать опытного ювелира.

Знакомясь в канцелярии с картотекой, штандартенфюрер откровенно скучал. Если бы фон Шаумберг не дал понять, что дорого оплатит эту услугу, Розерт махнул бы рукой на бесконечные карточки учета военнопленных...

И вдруг его пальцы выбили нервную дрожь. Он не поверил глазам своим, еще раз пробежал документ и заметно разволновался.

Было от чего.

Заключенный № 5221 Макар Андреевич Воронков, 1908 года рождения, сержант РККА. Уроженец Камнегорска. Место работы до военной службы — Свердловская гранильная фабрика.

Неужели здесь, в этом лагере, Макарка Воронков, который должен был прийти к нему в июне восемнадцатого года в красном Екатеринбурге?

Все сходится. Хотя... У них, русских, целые деревни носят одну и ту же фамилию. Дикари!

Штандартенфюрер наполнил рюмку золотистым французским коньяком и тут же забыл о ней. Прошло столько лет... Замурзанный мальчишка давно взрослый человек, внешне он совсем иной... Иной, но ведь кожу он сменить не мог, а на коже шрам. Шрам на левой руке, шрам от изумруда, который пытался украсть Макарка. Такие заметки — о, уж он, Розерт, это знал! — остаются навечно.

— Здравствуй, старый приятель! — загремел добродушный бас Розерта, едва Макар вошел в канцелярию.

Макар узнал бы Розерта и на том свете. Такой же огромный, розовый, вот только чуток погрузневший. И по-русски говорит без акцента, Урал ему даром не прошел.

Розерт преисполнен благожелательства.

— Я тебя, Макарка, забыть не могу, — говорил он. — Давай руку...

Макар, недоумевая, повиновался. Уж не собирается ли «старый приятель» поздороваться с ним?

— Не ту, миленький, не ту, — хохочет штандартенфюрер.

Он сам подтянул рукав полосатой куртки и увидел то,

что надеялся увидеть,— бледный рубец на коже. Полностью удовлетворенный, успокоился: есть бог и он не оставил Розерта.

— А ты надул меня, Макарка,— укорил Розерт.— Нехорошо обманывать старших. Но, как это у вас, кто старое помянет, тому глаз вон...

— А кто старое забудет, тому два,— продолжил Воронков.

Он ожидал гнева, но Розерт не рассердился.

— Шутишь, Макарка! Отлично! Я знал, что мы с тобой поладим. Только мы с тобой причастны к тайне, которую унес в могилу наш дорогой друг ротмистр Вологжанин... И то, что я тебя нашел, это прекрасно, Макарка!

Макар Воронков встрепенулся.

Вологжанин... Значит, его давно нет в живых. Но что за тайна, унесенная им в могилу?

Розерт внимательно наблюдал за пленным, он не торопил его, пусть подумает.

Но Макар лишь пожал плечами, и штандартенфюрер терпеливо, как ребенку, напомнил, о чем ведет речь.

— Записка, Макарка, записка... Ну?— и он, словно школьный учитель, раздельно и четко продиктовал: —Ты должен был доставить мне в гостиницу «Пале-Рояль» записку Записку, понимаешь? Где она?

Записка? Какая записка?

Это было в каком-то другом мире и было ли?

А если было, то с ним ли, с Макаром?

Не отводя глаз от Розерта, Макар едва сдерживал разошедшееся сердце. Очень важный секрет содержался в записке, если она через столько лет понадобилась Розерту. Что это за секрет?

— Записку помню, ее у меня... на улице забрали...

— Давай, Макар Андреевич,— перебил эсэсовец,— припомним все по порядку. Где тебе передал записку Вологжанин. На Воскресенском?

— Нет, господин Розерт, он дал мне ее в ЧК. Перед допросом. Сказал, что меня все равно держать не станут, а записка вам нужна срочно.

— Ты ее прочел?— Розерт впился взглядом в пленного.

— Только начало. Там упоминалось ваше имя и шла речь о каком-то варианте. Да, я припоминаю: второй вариант...

— Второй?— подобрел Розерт.— Ты уверен?

— На память не жалуюсь.

— А почему не прочел записку полностью?

— Ее прочтешь,— буркнул Макар.— Я и тогда, и сейчас в иностранных языках ни бельмеса...

— Что такое «ни бельмеса»?

— Ну не разбираюсь... А там не по-нашему...

— Правильно, не врешь,— одобрил Розерт.— Не должно быть по-вашему. Дальше!

— Дальше? Владислав Антонович оказался прав, меня выпустили, какой с пацана спрос. Пошел к вам в гостиницу, хотел выполнить просьбу Вологжанина, он обещал, что вы дадите мне за это столько денег, что можно корову купить...

Розерт кивал.

— И не дошел... Тогда Екатеринбург урками кишел, вот и подловили они меня, керенки мамкины забрали и записку.

— Так. А за что Вологжанина арестовали? Что ты слышал?

— Не слышал ничего. А вот изумруды, которые при нем нашли, видел на столе у следователя. Знатные камни, скажу вам.

Глаза Розерта расширились, налились кровью. Казалось, его сейчас хватит удар.

— Так он был с саквояжем?!

...Черемушник. Барскии дом. Блестящая, подраги-

вающая кожа взнузданного жеребца... А вот Владислав Антонович Вологжанин. Он выходит на крыльцо, в руках у него сума...

Это и есть саквояж. В нем изумруды? Наверное.

...Подвода медленно покидает прииск. За воротами Вологжанин останавливается, закуривает...

— Саквояжа не видел, а несколько камушков нашли в его шинели.

Розерт грязно выругался.

— Ворюга дворянская! Голубая кровь! Жадность погубила!

В один миг Макару стала ясна туманная история, в которую он попал в восемнадцатом году. Вологжанин, припрятав драгоценные камни где-то возле Воскресенского, шел на встречу с Розертом, но угодил в руки чекистов. И тогда он послал на связь его, Макара Воронкова... И теперь Розерт ищет клад, и снова Макар должен привести его к цели.

— Ты знал, что изумруды, много изумрудов, закопаны на Рассохах?

Пленный напрягся, весь превратившись в слух. Музыкой прозвучало для него родное название. Эвон куда подался Вологжанин с саквояжем!

— А ты хитрый, Макарка. О, это мне нравится, так поступают деловые люди. Ты не терял записку, ты показал ее человеку, владеющему французским языком. Ты был на этом месте. Так ведь?— Розерт перевел дыхание.— Но ты вдруг испугался. Да, ты испугался. У коммунистов все общее, а ты не захотел делиться с государством. В одиночку брать не решился — ЧК по головке не погладит. Я верно говорю? Ты умно поступил, Макар. Когда мы скоро придем на Урал, поделим с тобой сокровища... Как это? По-братски. И ты богат, и я богат.

Розерт, вернув превосходное настроение, оглушитель-

но захохотал. Он не обманывался насчет записки. Конечно, Макарка говорит правду, она пропала бесследно.

Ну и бог с ней, запиской. Розерт из Макара вытянул главное — ротмистр выбрал второй вариант. А это значит, изумруды в Рассохах. В этой чертовой глуши без проводника не обойтись. А Макар чем не проводник? Итак, он убьет двух зайцев, как говорят русские, угодит начальству и себе проводника обеспечит.

(3) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Барометр Макара Андреевича прогнозирует точно — вместе с темнотой навалился и глухой дождь. Он разогнал комаров и заставил людей перебраться в сторожку.

В сторожке было сухо и тепло. Макар Андреевич быстро погрузился в сон, Саня приткнулся на его лежанке с краю. Глядя в крохотное оконце, задумался о своей жизни. Получалась у него какая-то ерунда. Ничего на свете не видел, «не был», «не участвовал», «не имеет»...

Саня не заметил, как задремал.

Разбудил его стук в дверь. В полутьме увидел, как вышел на улицу дед Макар и почти сразу вернулся, с ним в избушку зашел высокий, плечистый человек.

Макар Андреевич зажег свечку.

— Э, да ты не один... Кто квартирует?— голос был Сане незнаком. Да и вошедший стоял боком, никак не разглядишь.

— Инженера Ладыгина с «Буревестника» знаешь? Так это его паренек гостит.

— А, это того, что за рубежом работает. Как же, рыбачили вместе не однажды, славный мужик.

— Точно, Борис Иванович, и рыбак он мировой. Парнишка вон тоже приохотился.

Человек, которого дед Макар назвал Борисом Ивановичем, сбавил голос:

— Как бы не разбудить. Ему наш разговор ни к чему.

Саня, собиравшийся встать, крепче зажмурил глаза. Ему было стыдно притворяться, что спит, но и подниматься теперь показалось неловко.

— Да спит он без задних ног,— успокоил Макар Андреевич.

— Стало быть так, Андреич... Странные вещи в твоей епархии происходят. Пещеру в Нечаевском знаешь?

— Ну как же,— насторожился дед Макар.

— Во-во,— еще глуше заговорил гость.— Ожила пещера, опять кого-то на сладкое потянуло. Кто бы это, ума не приложу. Никого не встречал?

— Обижаешь, Борис Иванович...

— Прости, старый, но дело серьезное. Только разбитый фонарик нам в качестве трофея достался.

— Рискованный народ,— всплеснул руками Воронков.— В этой пещере заплутать недолго, из нее ходы аж в Черное болото уводят. Я бы не отважился туда сунуться.

— Смельчаки,— подтвердил собеседник.— Так что не в службу, а в дружбу, Андреич. Глаз у тебя зоркий, определишь, кто и зачем в тайгу пожаловал. Это поважней будет, чем клад Вологжанина. Есть он или нет — доказать невозможно, а тут наяву державу грабят.

(4) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Дед Макар после ухода ночного гостя быстро затих и лишь изредка легонько всхрапывал. А Саня, растревоженный новостью, не мог сомкнуть глаз.

Выходит, что он и Димыч спугнули орудовавших в пещере преступников?

Чем больше размышлял Саня, тем очевидней представлялась ему собственная вина. Ведь ничего не стоило в тот же день рассказать о встрече в пещере первому же милиционеру, так нет, приключений захотелось. Сейчас, может быть, те, неизвестные, в другом месте, как сказал этот Борис Иванович, «державу грабят» безнаказанно да радуются, что вовремя руки в ноги взяли, покинув Нечаевский лог.

«Эх, растяпы!»— окончательно расстроился он.

Утром, умываясь с мостков, Саня осторожно спросил Макара Андреевича:

— Кто это приходил ночью? Или мне приснилось?

Дед Макар внимательно оглядел мальчика:

— Так ты не спал?

— Спал,— убежденно заверил Саня.

— Так, старинный знакомец,— слукавил дед.— Большой любитель рыбалки, у меня снасти держит. К слову, твой родитель его хорошо знает.

— А как его фамилия?— на законном основании осведомился Саня.

— Шевченко. Шевченко Борис Иванович.

СТАВКА НА ИНСТИНКТ

(1) Лидиигенхейм. Август 1943 года

Дни бежали за днями, а с Воронковым ничего не случалось. Больше того, от работы в каменоломнях он был освобожден и послан в кранкенбаракен, где содержались тяжелобольные пленные. Ухаживать за ними — не камни ворочать.

Эрик Розерт считал себя психологом и продумал партию на несколько ходов вперед. Поездка в Париж, неделька-другая совершенно иного образа жизни, сытная пища, блеск самоцветов...

Макарка охотно поможет ему. Должен! А если откажется — сгниет заживо, и он, Розерт, пальцем не шевельнет, чтобы помочь ему.

Успокоенный решением, эмиссар из Парижа приказал привести заключенного № 5221.

Розерт веером раскинул по столу иллюстрированные журналы.

— Смотри, как живут люди: вилла на взморье, яхта, красивые женщины...

Макар переминался с ноги на ногу.

— Когда мы найдем клад, ты сможешь поехать в любую страну,— рисовал блестящие перспективы Розерт.— Я бы лично выбрал Латинскую Америку. Аргентинское танго, пальмы, мулатки... А пока,— бравый штандартенфюрер сделал многозначительную паузу,— нам предстоит поездка в Париж...

Пленный опешил. Уж не ослышался ли он? Чего-чего, а этого он не ожидал.

— В Париж, Макар Андреевич, в Париж. Видишь, как я забочусь о тебе. Ты же хороший огранщик, и было бы преступлением дисквалифицировать такого специалиста. Мой шеф знает толк в камнях, но он не доверяет французам и евреям. К тому же их услуги стоят дорого, а фон Шаумберг скуповат. Полагаю, ты с него лишнего не запросишь?— Розерт аж взвизгнул от своего остроумия.

Вероятность хотя бы на время избавиться от кошмаров лагерного быта поразила Макара более всего.

— Слушаюсь, господин Розерт.

— Ну зачем же так,— пристыдил офицер.— Я для тебя Эрик, Эрик Иванович. Мы компаньоны, не правда ли?

(2) Перегон Эперне — Париж. Сентябрь 1943 года

Поезд шел в направлении Парижа. Проносились мимо зеленые, ухоженные квадраты пашни, добротные каменные постройки, остроконечные кирхи и шатровые католические соборы.

Макар Воронков не отрывал взгляда от окна. Он был одет в светлый плащ, выбрит и пострижен и внешне ничем не напоминал узника Лидингенхейма.

Напротив в купе сидел Розерт. Он не докучал разговорами — это тоже входило в его план, и даже подремывал, разрешая себе расслабиться, поскольку за пленника не беспокоился. Отборные парни из его свиты занимают соседние купе, а слух у них — дай боже каждому музыканту! Да и Макарка вряд ли отважится на побег.

На крупных станциях часто проверяли документы. Бумаги Розерта производили впечатление на служак вермахта. В полупустое купе никто не напрашивался, хотя вагон был забит отпускниками, возвращавшимися в зону оккупации офицерами и солдатами.

На перегоне Эперне-Париж гитлеровцев поджидала большая неприятность. Партизаны разобрали железнодорожное полотно, и состав обессиленно замер, выпуская облака пара и дыма.

Едва из вагонов высыпали вооруженные солдаты, с двух сторон резанули партизанские пулеметы.

Началось столпотворение.

Звенели стекла, купе насквозь простреливалось. Конвой, если кто и уцелел, на помощь не спешил. Штандартенфюрер и его пленник чуть ли не в обнимку лежали на полу вагона.

«Так вам, так вам,— злорадствовал Макар.— Весь бы гадючник передавить!»

Не обращая виимания иа стоиы раиеных, герои французского похода в испуге покидали купе.

Розерт тоже ие выдержал. Словио буйвол, ои волок за собой чахлого Макара, хрипя и ругаясь.

Передиие вагоиы уже заиялнсь огием. Замолчали крупиокалибериые пулеметы иа охраниых площадках — партизанские граиаты расшвыряли нх обслугу.

В этом хаосе разрывов и посвнста пуль Макар и Розерт, кланяясь и припадая к земле, благополучно добежали до мелкого оврага у железиодорожной иасыпи.

— Шнеллер!— скомандовал Розерт, порастерявший в этой огиеиной свнстопляске русские слова. Ои первым упал в овраг, увлекая за собой Воронкова. Рухнув иа иего, Макар ожидал скорой зуботычииы, но немец ие шевельнулся.

— Шнеллер!..— тихо повторил Розерт, приоткрыв иеживые глаза. Пуля из меткого автомата успела-таки снять с него фуражку н поцеловать в голову. Струйка крови, выбегая из-за уха, окрашивала шею и прижатую к ией пятерню Розерта.

Макар некстати пожалел «старого прнятеля», а пожалев, осерчал иа себя. Но добить Розерта ои не смог, хотя «вальтер» образца 1938 года перешел в его руки.

ТРОЕ НА КРАСНЫХ «ЯВАХ»

(1) Камнегорск. Июнь 1988 года

После подземиого путешествия они еще не виделись и, встретившись, обрадовались друг другу.

— Ну иадо же,— досадовал Димыч,— и как ме-

ня угораздило забыть фонарик! Если бы не тот мешок... Фу, как он напугал меня, до сих пор поджилки трясутся.

— А я думал, ты ничего не боишься,— сказал Саня. — Я даже не заметил, что ты испугался.

— Ну да... Ты просто в темноте не разглядел.

Спокойный, рассудительный Саня и горячий, эмоциональный Димыч во многом дополняли друг друга. Может быть, сами они пока этого не сознавали, но им было хорошо вместе счастливо переживать недавние страхи, просто болтать, неспешно прогуливаясь по городу. Заговорившись, Саня не сразу понял, что его окликнули.

Рядом, в трех шагах, стояла Даша.

— Мальчики, мальчики,— затараторила она,— как вы мне нужны! Скажите, вы согласны мне помочь?

Ребята переглянулись.

— Понимаете, папа поручил мне очень важное дело, надо отнести одному человеку батарейки к транзистору. И непременно сегодня,— она вздохнула.— Сам он не может, срочная работа, а батарейки обещаны. Что скажете, рыцари? Готовы ли вы меня сопровождать?

Ее левая бровь подрагивала — верный признак того, что Даша проверяет, как действует ее обаяние.

— Да хоть сейчас... А куда идти?

— За город.

— К деду Макару?— спросил с надеждой Саня, зная, что Дашин отец служит лесничим и Макарово озеро входит в границы его участка.

— Ага,— улыбается Даша.— Что, слабо?

— Отчего же...— смутился Саня.— Ты как, Димыч? Это, кстати, за Нечаевским логом, можно заглянуть.

Димыч не успел открыть рот, как Даша перехватила инициативу:

— Обещаю райский уголок и золотого деда. Ну?

И Димыч клюнул.

— Через час на автовокзале,— Дашины каблучки стучали уже далеко, а Димыч растерянно глядел ей вслед.

— Не втрескайся,— счел своим долгом предупредить Саня.

— Не боись,— успокоил товарищ.— Невооруженным глазом видно, что вакансий нет. А кто это дед Макар?

Уж тут Саня разошелся!

Димыч слушал его, слушал и сказал:

— Если этот сундук...

— Саквояж,— поправил его Саня.

— Я и говорю, саквояж... Если его найти, знаешь, сколько это будет денег! Наверное, на спасение Байкала хватит.

— Хватит,— подхватил его мысль Саня.

— Слушай!— сказал Димыч упавшим голосом.— А если господин ротмистр этот жив остался и выкопал изумруды?

Но Саня отверг его сомнения без раздумий.

— А на кой черт тогда нужен был Макар Розерту? Он ведь шпионил на Урале, узнал, что Вологжанина уже нет. А сам сунулся — тык-мык, тайга велика...

— Верно,— облегченно вздохнул Димыч и замолк.

Теперь он был Сане не просто товарищ, а хороший друг. Ведь только друзьям доверяют сокровенные секреты.

(2) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Не зная, почему ребята захотели сначала навестить Нечаевский лог, Даша настояла на своем — только на обратном пути: сделал дело, гуляй смело.

Макара Андреевича не узнать, принарядился: на темном пиджаке гвардейский значок, медали. Батарейкам он удивился, не скрыв радости.

— Ну, Дарья, у тебя не отец, а министерство социального обеспечения. А я-то думал, чего он приемником моим интересуется. Молодец! И вы, ребята, молодцы, а то чаевничать бы мне одному в свой день рождения.

Так вот почему батарейки нужно было доставить непременно сегодня. Подарок!

— И сколько же вам, дедушка?— хлопает ресницами Даша.

— А сколь не жаль — все мои.

— Ну шестьдесят...

Дед прыскает в кулак, выжимая смешок.

— Ай да гадалка! Ты, Дарья, не пропадешь...

— Нет, правда,— поддержал Димыч,— вам, Макар Андреевич, больше не дашь.

— Вот и славно,— петушком прошелся по кругу дед,— мне больше и не надо, хорошо сохранился.

И тут же посерьезнел:

— За добрые слова — спасибо, а восемьдесят свои чувствую каждой жилкой. Как ни крути, а скоро судный день... А пока, гости дорогие, прошу к столу!

Димыч наладил приемник, и Макар Андреевич принялся потчевать гостей. Они наслаждались свежими лепешками, макая их в цветочный мед, пили смородиновый чай. Вкуснота!

Даша пыталась говорить с Макаром Андреевичем по-французски, он робко вспоминал полузабытые слова, беспомощно разводил руками. Ребята не вмешивались. Саня язык подзапустил, да и Димыч улавливал только общее направление разговора.

Безмятежно горел костер.

Слышно было, как плескалась в озере рыбешка.

И вдруг словно несколько бензопил разорвали тишину — к озеру, яростно газуя, выкатились три мотоциклиста на красных «Явах». На головах блестели круглые, как

у космонавтов, шлемы, тела втиснуты в короткие курточки из черной кожи.

Пришельцы слезли с пьедесталов и скинули шлемы. Теперь их можно было разглядеть.

Были они какими-то одинаковыми и вместе с тем резко отличались друг от друга. Один кряжистый, ладно скроенный парнюга, другой небольшой, узкоплечий, с маленьким личиком. А третий — обычный ГОСТ, такой если выделится в толпе, то разве только обритым наголо шишкастым черепом. Но он-то и был предводителем — видно по тому, как остальные оборачивались на него, ожидая команды.

Было что-то в мотоциклистах такое, от чего Димыч весь напружинился, а Саня нахохлился, замер. «Вот так, наверное,— пронеслось у него в голове,— начинаются войны». Пересилив прилив страха, он поднялся, не выпуская из рук суковатую палку, которой ворошил огонь в костре.

— Привет!— во всю луженую глотку гаркнул Лысый. Да, это был Лысый — в один миг Санино подсознание наделило мотоциклистов положенными им кличками: вон тот маленький, похожий на мелкую зверушку, будет Хорьком, а верзила Дылдой.

— Здравствуйте, коли с добром,— отозвался дед Макар.

— С добром, с добром, старый пень,— весело оскалился Дылда.— Принимай гостей и мечи на стол все, что есть. Заправиться бы не мешало,— он заглянул в котелок:— Мед! А медовуха есть?

Парни были постарше года на два-три, выпускники школы или из ПТУ. Но кто бы они ни были, чувствовалось, что вежливости их не научили.

— Так в гости не ходят,— возразил Макар Андреевич.

— Заткнись, дедуля,— выдавил Лысый.— Если побрякушек навешал, то умным стал?

Дед притих, от его прежнего настроения ничего не осталось. Коротко ойкнула Даша. Это Хорек пытался погладить ее плечо. Он придвинулся ближе и, облизывая губы, нагло сказал:

— Пионерка, а все при ней есть...

В ту же секунду Димыч, резко схватив Хорька за шиворот, придал ему ускорение. Хорек блеснул в воздухе подковками ботинок.

Не ожидавшие реактивного отпора, мотоциклисты на какое-то мгновенье оцепенели. С их точки зрения, по-видимому, сопротивление, оказанное мальчишками, было неслыханной дерзостью.

Лысый разжал побелевшие губы и выплюнул окурок:

— Сами напросились!

Тотчас в кулаке Хорька появилась велосипедная цепь, а Дылда извлек из-под кожанчика ржавый металлический пруток.

Вот когда Сане по-настоящему стало страшно. Да и на Димыча подействовала угроза. Он беспомощно остановился и принял оборонительную стойку.

Как полководец, движением руки Лысый бросил вперед своих телохранителей. И быть бы на озере безжалостному побоищу с непредсказуемыми последствиями, но из-за ближних зарослей почти без шума выкатился болотного цвета грузовичок с надписью на дверце кабины: «Министерство геологии РСФСР». Сидевший рядом с шофером человек вылез из кабины и направился к костру. Резиновые сапоги и пропыленная штормовка свидетельствовали о том, что их обладатель не случайный гость в тайге.

Лысый оценил обстановку.

— Хорош, считайте, что вам повезло. Но ты, черномазый, учти, отныне мне крупно задолжал...

Дылда погрозил железякой, и летучая банда, взревев моторами, взмыла по тропинке.

Геолог проводил их цепким взглядом.

— Кажется, мы вовремя, так что прощения за визит не прошу. Где-то здесь наши работают, не подскажешь, отец?

Макар Андреевич откликнулся с охотой:

— Это в Нечаевском логу, первый свороток налево.

Человек поблагодарил и вернулся к машине. Уже с подножки крикнул мальчишкам:

— Один за всех, и все за одного!

Знаменитый мушкетерский девиз был сегодня как нельзя кстати. Но Димыч был явно чем-то обеспокоен.

— Послушай, Сань, ты никаких странностей не обнаружил в этих рокерах?

— Да они все ненормальные...

— Я не о том. Обратил внимание на бугая с голым черепом?

— А что?

— Да так, показалось...

(3) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Там, где еще недавно они выбирали землю для теплиц, стояла буровая вышка. Возле вагончика дружелюбно виляла хвостом рыжая собака. Рабочий таскал в приткнувшийся к вагончику «уазик» деревянные ящики с каменными продолговатыми цилиндрами.

— Керны в лабораторию повезли,— со знанием дела сказал Саня, наблюдая за рабочим, молодым парнем в заношенной солдатской гимнастерке, и пояснил товарищам:— Геологические пробы, значит, проверяют, на какой глубине какая порода залегает.

Парень закончил носить ящики и заметил зрителей. Он напустил на себя строгий вид и замахал рукой, мол, уходите, здесь посторонним нельзя находиться. Но Димыч, как всегда, не оробел, ноги сами понесли его к гео-

логоразведчику. Привыкший к армейской дисциплине, парень оторопел.

— Ты что, пацан, русского языка не понимаешь?

Димыч быстро нашелся:

— А вы ничего не говорили.

— Скажите, пожалуйста, какой непонятливый. Здесь производственный объект, ясно?

— Так точно,— отрапортовал Димыч и улыбнулся:— Разрешите узнать предмет поиска. Золото? Изумруды?

— Ну ты нахал!— изумился геолог.— Вот так просто и открыть тебе государственную тайну? Но если хочешь знать, скажу. Ищем мы, брат, глину...

— Глину?— Димыч был разочарован.— Чего ее искать, она повсюду под ногами.

Парень засмеялся и пошел в вагончик, а Димыч вернулся к товарищам и долго еще бубнил себе под нос:

— Глину он ищет. Нашел дурачка лапшу вешать.

Безусловно, все они были уверены, что геологоразведка ведет поиск изумрудных сланцев. Но больше всех была уверена в этом Даша, только что узнавшая тайну гранитной пещеры.

В ОТРЯДАХ СОПРОТИВЛЕНИЯ

(1) Париж. Август 1944 года

Удачно напали партизаны на поезд с оккупантами. Так и не выполнил Розерт наказ военного коменданта Парижа. А вскоре фон Шаумбергу драгоценные камни и вовсе не понадобились. Тем же отчаянным народом он был застрелен прямо на улице

французской столицы. Эту операцию провели подпольщики под командованием армянина Мисака Манушяна.

Около четырех тысяч советских военнопленных и восточных рабочих сражалось в отрядах французского Сопротивления. Были и чисто русские подразделения, и смешанные формирования.

19 августа 1944 года жители Парижа начали восстание. На помощь им спешила 2-я французская бронетанковая дивизия генерала Леклерка.

Отряд, в котором воевал пулеметчик Макар Воронков, вышибал оккупантов из маленького пригорода, одного из многих, откуда в столицу в мирные времена доставлялась зелень.

Войска фашистского командующего генерала Хольтица с кровью отдавали квартал за кварталом.

Только к вечеру фашисты были изгнаны из предместья, и если бы не ночь, партизаны двинулись бы дальше — велико у каждого было желание расквитаться с бошами, как называли здесь немецких захватчиков.

Наступило затишье, и тут Макар понадобился командованию. Послали его в соседний отряд, в котором были только французы.

Зачем да почему, не спрашивал, у военных людей это не принято. А сам думал: пулеметчик нужен, а он, Макар, автоматическим оружием в совершенстве владеет.

Доставили Воронкова партизаны в старый каменный дом. По скользкой винтовой лестнице поднялись на полутемный чердак. Там свеча горит, освещая лежащего на кровати перевязанного человека: сквозь бинты кровь проступает, глаза прикрыты.

Воронков вгляделся: незнакомы, не встречались вроде никогда. А человек будто проснулся, приподнялся на локтях, его рассматривает и улыбается почему-то. Славный такой француз его лет. И Макар в ответ улыбнулся.

Спрашивает его француз:

— Скажи, тебя не Иваном зовут?

— Нет,— говорит пулеметчик,— Макаром кличут... Не сразу сообразил, что француз на чистейшем русском языке говорит.

— Прости, что тебя мои ребята побеспокоили. Был бы верующий, священника пригласил, но жизнь сделала атеистом.

Он снова откинулся на подушку и замолк. Оглядывается Макар на своих провожатых и ничего в толк взять не может.

— Русский, что ли?

— Нет, это Жорж Менье, наш командир. Сегодня тяжело ранен при штурме вот этого дома. Здесь эсэсовцы насмерть стояли, едва выкурили, а вот Жоржа не уберегли.

Раненый командир, которому уже ничто не могло помочь, попросил привести к нему любого русского.

Жорж вырвался из беспамятства, встревоженно оглядел серое помещение чердака. Заметив Макара, успокоился, даже повеселел.

— Значит, ты Макар? Хорошее имя. Жаль, у меня никогда не было ни одного знакомого с таким именем. А пословицу русскую не раз повторял, когда случалось бывать там, куда Макар телят не гонял...

Говорил он медленно, видимо, дела его были действительно худы, надрывно кашлял.

— Откуда родом, Макар?

— С Урала я,— приготовился было он объяснить, что это за Урал такой и где находится. Но объяснения не понадобилось.

— С Урала?— дернулся партизан.— А в Екатеринбурге был?

— Ну как же, и в Екатеринбурге, Свердловске то есть. Оттуда и в армию призван.

— Да, да Свердловск, я все по старой памяти...

Теперь настала очередь удивляться Макару.

— А ты не удивляйся, Макар,— словно прочитал его мысли Жорж Менье.— Нечему тут удивляться, русский я. Земляки мы с тобой.— Раненый отдышался и продолжил:— И фамилия у меня уральская. Кузнецов. Георгий Степанович Кузнецов. Жоржем Менье стал в тридцать седьмом, когда в Испании друга моего лучшего франкисты убили на моих глазах. Его имя взял, да проносил недолго, сам видишь, не жилец я... А Урал... Сколько раз вспоминал я его в своих скитаниях по белу свету! Странный последний день дома... Какая-то загадка с ним связана, теперь уж не разгадать ее мне...

(2) Екатеринбург. Июнь 1918 года

Отец Гоши Кузнецова был состоятельным екатеринбургским адвокатом. Мать тоже человек известный, владелица галантерейного магазина на Покровском проспекте.

Покровский проспект в уральской столице место особое — городская дума, управление железной дороги, банки, гостиницы, магазины, аптеки, кинематограф «Рона».

В семнадцатом году словно метлой повымело с проспекта его привычных обитателей.

Кузнецовы революцию не приняли.

Отец встрял в один из тех многочисленных заговоров, что плелись вокруг освобождения царского семейства, и сгинул без вести. Оставшись одна, мать часто исчезала, а если была дома, то ее окружали чужие люди, и Георгий оказался предоставленным самому себе. Он целые дни проводил во дворе, слонялся по городу, любопытствовал.

Его привлекал угол Покровского проспекта и Златоустовской улицы, где раньше была гостиница «Американские номера». С недавних пор в ней появились новые люди. Онисимов, сосед Кузнецовых, прятавший у себя оружие, имел честь с ними познакомиться, теперь на улицу не ходит, боится.

Сюда, в ЧК, доставляли под охраной и неведомых бродяг, и прилично одетых людей. Отсюда выходили на облаву вооруженные солдаты и штатские в кожаных куртках. День и ночь у подъезда маячил часовой.

Под вечер Гошка Кузнецов заметил, как патруль доставил в бывшую гостиницу крепкого, борцовского вида, высокого человека в солдатской шинели и маленького оборвыша — из тех, что сбивались в шайки и носились по улицам в поисках крова и пищи, наводя страх на добропорядочных горожан.

Гошка пожалел мальчишку, попавшего в чрезвычайку. Неужели и его поставят к стенке?

Слово «стенка» на устах у всех. Его часто повторяет мать, проклиная комиссаров, загубивших адвоката-патриота Кузнецова, к стенке ставить большевиков призывает поручик Голубев, лишенный наследственного золотого прииска. Бледнеет при упоминании этого слова навек перепуганный Онисимов.

Может быть, этот гаврош был разведчиком белых полков и его без сожалений вывезут за город, где негромко хлопнет очередной чекистский выстрел?

(3) Екатеринбург. Июнь 1918 года

И как обрадовался Гоша Кузнецов, когда на следующий день встретил на свободе того самого оборвыша.

Поначалу он даже не признал его: умыт, причесан, а главное, жив-здоров и без конвоира. Мальчишка нес небольшой сверток, шел неуверенно, то и дело вскидывая голову, по слогам читал вывески на домах.

Но как же он уцелел, этот храбрый мальчик?

На Успенской играла музыка. Проходила воинская часть. Толпились зеваки, носилась шпана.

Мальчишка со свертком остановился, заглядевшись на красноармейцев. Его толкали, какой-то господин, которому он преградил путь, сорвался на крик.

Но вот солдаты прошли, толпа рассеялась. Гошка совсем уж было насмелился подойти к мальчишке, как почти под ухом трахнули выстрелы, и на улицу из-за магазина купцов Агафуровых выскочило двое в разномастной одежде.

Гошка отшатнулся к забору, ловко забежал в открытый подъезд, а мальчишка, наоборот, бросился на середину улицы. Один из бежавших сшиб его с ног, другой развернулся, поднял руку с револьвером.

Показались и преследователи, они тоже стреляли.

Гимназист закрыл глаза. Как сквозь ватный, обволакивающий сон, расслышал голоса.

— Лобачев, этого возьми на себя, мы за бандой!

— А парнишка?

— Что парнишка?

— Да ушибся он сильно...

— Действуй по обстановке!

Гошка выглянул в приоткрытую дверь. Напротив подъезда двое чекистов возились с раненым. Рядом, держась за голову, стоял тот мальчик.

Шумно подъехала машина, раненого подняли в кузов, туда же посадили гавроша.

Автомобиль удалился, и Гошка, покинув убежище, сразу наткнулся на сверток, сиротливо лежавший на мостовой.

Сверток оказался легким: в газете был хлеб, еще не успевший зачерстветь. И гимназист Кузнецов, чьи обеды становились все бедней, бережно завернул краюху снова в газету.

Два чувства схватились в нем: считать находку своей или разыскать мальчика и вернуть ему хлеб. Присваивать чужое нехорошо... После раздумий Гошка решил отдать хлеб прислуге.

Вернувшись домой, он, сдерживая голод, направился на кухню, но по дороге воровато отщипнул мякиша. К своему изумлению, выковырнул наружу и клочок бумаги. Это была записка, наполовину составленная по-русски, наполовину по-французски. Одно слово было не совсем обычным. Рассохи. Похоже на росомаху. Гошка так и застыл на месте — от записки веяло тайной. Нет, не случайно мальчишка побывал в ЧК, и сейчас его увезли... Но времени на размышления у Гошки не оказалось: из прихожей послышались шаги матери. Ну, сейчас начнется! Что да откуда, да стыдно ребенку из приличной семьи подбирать на улице всякую дрянь...

Гошка толкнул первую попавшуюся дверь и очутился в отцовском кабинете. Сунул бумажку в огромный фолиант на столе, но этого показалось недостаточно, и он костяным ножом для разрезания страниц утолкал записку под корешок книги, надеясь после, в одиночестве, вернуться к находке.

В испуге только успел пробежать взглядом по названию тома: буквы большие, рисованные, что-то про Русь.

А хлеб?

Гошка завертелся волчком и опрокинул корзину для мусора. «Прости меня, боженька!»— шевельнулось в мозгу, и краюха затерялась среди ненужных, скомканных бумаг.

Мать пришла не одна. Вместе с ней явился худощавый подтянутый человек. Глаза у него были холодные,

стального цвета. Гошка не сразу узнал в нем поручика Голубева.

— Собирайся, сын. Юрий Михайлович отвезет тебя в Самару к тете Марине.

— Я не хочу в Самару...

— Твое желание не имеет значения. Так надо, Георгий, я тоже здесь не задержусь.

(4) Париж. Август 1944 года

Так началась долгая одиссея екатеринбургского мальчика Георгия Кузнецова.

В Самаре поручик Голубев, ставший мужем тетки Марины, зверствовал в контрразведке. Потом, когда красные перешли в наступление, они целый год бежали на восток.

Опомнился Гоша только в Китае, в переполненном беженцами Харбине, странном русско-китайском городе, собравшем в своих стенах петроградских аристократов, уральских промышленников и сибирских купцов.

Отец, как к тому времени выяснилось, был убит. Но не красными, а обычными грабителями, которых привлек толстый бумажник адвоката-заговорщика. Мать на пути в Самару умерла от сыпного тифа.

В Харбине попечители мальчика не поделили оставшиеся капиталы и расстались. Голубев пошел довоевывать с Советами под знамена барона Унгерна, а тетка с золотом украдкой от племянника перебралась в Австралию.

Там, в Сиднее, Георгий ее отыскал, но тетка, скупившая несколько овцеводческих ферм, не захотела признать бедного родственника и сдала его в полицию.

Настали трудные дни.

Рано повзрослевший Георгий был грузчиком в Бомбее, продавцом мороженого в Бразилии, носильщиком в Марокко.

Судьба занесла его в Югославию, где он учился в русском кадетском корпусе,— белая эмиграция готовила офицерские кадры для армии отмщения. Но Георгию эти игры порядком надоели.

Кузнецов поморщился от боли и замолк, собираясь с силами.

— Рванул я тогда в Париж, там мне неслыханно повезло — устроился шофером такси. Со многими бывшими офицерами, разочаровавшимися в белой идее, подружился, а когда в Испании зашевелились фашисты, тайком перебрался туда, в интернациональную бригаду.

После поражения республиканцев он попал в лагерь для интернированных, чудом бежал — помогли французские друзья.

Целыми днями кружил Кузнецов вокруг особняка на Рю де Гренель. В этом особняке располагалось советское представительство. И не решился переступить порог. Да и был он тогда уже Жоржем Менье...

Слабел голос Кузнецова-Менье. Они, Воронков и Кузнецов, должны были встретиться дома в восемнадцатом году, а судьба свела их через четверть века на чужбине...

— Вернешься на Урал, поклонись...

Догорела третья свеча.

(1) Камнегорск. Июль 1988 года

Совершенно неожиданно Димыч попал в больницу. Он возвращался домой, срезая путь через пустырь, и прямо на него из-за стены тополей вылетел мотоцикл. Удар пришелся скользом, но, падая, он стукнулся о бордюр и разбил голову.

Мотоциклист даже не остановился.

Случайность? Или месть банды Лысого? Саня и Даша были уверены — это Хорек.

В вестибюле травматологического отделения шел ремонт, доступ в палаты был запрещен. Ходячие больные спускались к посетителям, но Димыч к их числу не принадлежал.

Будь Саня один, ушел бы несолоно хлебавши. Но Даша не умела останавливаться перед запретами. Дежурный врач, дядька уже старый, лет тридцати, не устоял перед сногсшибательной улыбкой юной особы.

Победительница, а как иначе назвать Дашу, бросила Сане не первой свежести халат.

— Накинь. Валерий Петрович нас проводит.

Ого, и познакомиться успела!

Валерий Петрович предупредил, что засиживаться нельзя, больному нужен покой и вообще сотрясение мозга дело серьезное. Говорил он тихо, спокойно, и Саня осознал свою неправоту. Валерий Петрович вполне приличный товарищ, даже симпатичный, и нужна ему Дашина улыбка как собаке пятая нога.

В палате было трое. Один из них, дедушка в очках, лежа читал газету. Димыч спал, а третий больной осваивал костыли. Увидев посетителей, он присел на кровать.

Один костыль грохнулся на пол, и Димыч от этого проснулся. Глаза его засияли.

— Как ты?— спросил Саня.— Болит?

— Потихоньку,— поморщился Димыч. Он будто извинялся, что застали его в таком неприглядном виде: — Да вы садитесь, ребята, садитесь.

Больница не самое подходящее место для общения, но Даша и здесь чувствовала себя как рыба в воде. Она подробно изложила всем окружающим свои взгляды на современную медицину, похвалила экстрасенсов — «представляете, тычет пальцами, а ткань сама по себе расступается»,— попутно поделилась теорией «черных дыр» в своем оригинальном толковании. Наконец спросила, настойчиво глядя на Димыча:

— Как же так вышло?

— Не знаю. Задумался сильно, а он тут как тут... из-за деревьев вылетел. Затормозить, наверное, не успел.— Димыч притронулся к свежему шву на лбу.— Останется теперь память на всю жизнь.

Саня собрался его утешить, но появилась сестра, и по ее грозному виду стало ясно, что время свидания истекло. Ребята на цыпочках двинулись к выходу.

— Сань!— позвал Димыч.— А знаешь, о чем я тогда задумался? Ну, по нашему делу.. Надо найти Соловьева, может, у него какие-то следы отыщутся?

(2) Камнегорск. Июль 1988 года

Простую вроде бы, но очень разумную вещь предложил Димыч. Соловьев — это фигура, известный краевед, все на свете знает. Он и книгу о Камнегорске написал, и в школах — нарасхват. И как это сразу не догадались к нему обратиться!

Молодец Димыч! Вот что значит получить сотрясение мозга.

Но где искать Соловьева? Через «Горсправку»?

Даша нашлась быстро: в историческом музее должны знать адрес краеведа, и оказалась права.

Дверь открыл седоголовый старик, это и был Павел Васильевич Соловьев. Он пригласил в комнату, забитую книгами. Книги были повсюду, им не хватало стен, они заняли стол, подоконники, стопками лежали на полу, забрались на кресла старинной работы.

— Ясно, что вас привело ко мне,— не спешил с ответом краевед.— Изумруды — тема благодатная, интересная. А сколько с ними тайн связано — не перечесть!

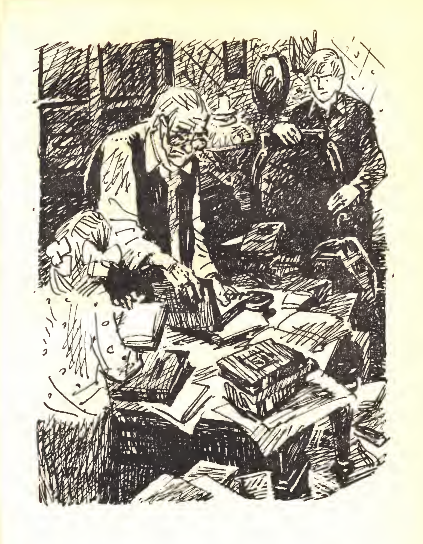
Павел Васильевич не выпускал из рук толстенную лупу.

— Не одну ночку мы с Ферсманом об изумрудах беседовали, когда он в Камнегорск приезжал. Знаете Ферсмана? Знаменитый был минералог Александр Евгеньевич, рассказывал он, как самоцветы у нас на Урале нашли.

...Крестьянин Максим Кожевников занимался смолокурением. Работа не для слабых, выкорчевать пень-чудовище, привязанное к земле десятками узловатых жил,— здоровья стоит. Но Максим силушкой не обижен, играючи управляется с многопудовыми комлями.

Не один он, многие артельщики гнали смолу для нужд казенных железоделательных заводов, да фарт подвалил одному Кожевникову. Вышел он однажды на правый берег Токовушки и ахнул: такая богатая сушина бурей повалена! Стал над ней хлопотать и наткнулся в корневище на диковинные камушки зеленого сияния.

Положил Макся камушки на ладонь — вспыхнули они на слабом солнышке, глазам невыносимо от яркого света.

Смекнул мужик: непростые камни, ох непростые!

Попала находка смолокура в кабинет командира Екатеринбургской гранильной фабрики Якова Коковина. Секундное дело опытному горщику самоцвет определить. Не сразу поверил себе Коковин — первый российский изумруд! И где? Под боком, в Монетной даче!

Получил удачливый крестьянин в награду денежную премию, а командир Коковин повел разведку в тех местах, где Максим промышлял смолокурением.

Первые же поиски увенчались успехом. В шурфах между речками Старицей и Полуденной разведчики обнаружили александрит и зеленый турмалин — верные спутники «камня радости».

Минуло еще несколько недель, и погнал Коковин в Санкт-Петербург специального курьера с донесением: на Урале найдено месторождение изумрудов! Было это в 1831-м.

Здорово, что они заглянули к Соловьеву!

Но что же все-таки с саквояжем ротмистра Вологжанина? Где искать концы?

Заметив, как переглядываются его гости, старик недоуменно развел руками.

— Вы полагаете, что должен быть непременно положительный ответ? Не уверен. Это легенда, красивая легенда. Я слышал ее не только от Макара Андреевича, сам в ней пытался разобраться, но увы... Никаких серьезных доказательств. Понимаете, ни-ка-ких!

— Но ведь дед Макар своими глазами видел Вологжанина, увозившего саквояж с изумрудами. И потом, была же записка, была!

— Допустим. Это вполне правдоподобно, и не такое случалось. Но где, скажите, зацепка? Макар Андреевич в свое время все Рассохи облазил, пока их не затопили. А сейчас что?

— Так не всё же под водой. Может, он их с краю припрятал, Вологжанин-то?— попытался возразить Саня.

— Нет, ребята, сейчас эти изумруды и старатели не отыщут,— развел руками Соловьев.— Да никого из них и в живых нет,— вздохнул он.— А ведь я многих профессионалов фарта знал... Некоторые еще англичан застали...

— Каких англичан?— вскинулась Даша.— Ведь приисками заправляли французы, вот и Ферсман об этом пишет.

Соловьев удовлетворенно покряхтел, ему нравился разговор.

— Задело? Ну и хорошо. Что же касается книги, в которую Кузнецов записку прятал... Мы даже названия не знаем.

— Переберем все названия, где слово «Русь» есть,— решительно сказал Саня.

— Перебрали. Дальше?

Повисла тишина.

Старик привел свои доказательства.

— Прикиньте, сколько времени прошло. Две больших войны, не одно поколение людей сменилось, а книга должна уцелеть? Маловероятно. Ладно еще, полезная, редкая, а ну как грандиозный пустяк — кто за него держаться будет? Доведись до меня... Не знаю.

— Значит, не стоит заниматься этим запутанным делом?

— Почему же не стоит, очень даже стоит. Я просто вслух размышляю, привычка такая. В нашем деле главное — вера и надежда. Вот так-то, молодые люди!

7 Зак 126

(1) Камнегорск. Июль 1988 года

С рюкзаком за спиною Макар Андреевич объявился в городе, чтобы запастись пищевыми концентратами, солью, спичками. Но не это было основной целью его прихода в Камиегорск. Покончив с продовольственными проблемами, таежный дед бодрым шагом направился к телефонной будке.

Нужный номер не отвечал, и старик стал накручивать другой. Этот отозвался мгновенно, словно звонка ждали с нетерпением:

— Дежуриый по управлению внутренних дел слушает...

— Мие бы Шевченко Бориса Ивановича...

— Майор Шевчеико в отъезде, будет завтра.

Старик огорчился и повесил трубку. Затем спохватился и сиова стал иабирать номер.

— Дарья? Ты чего это взаперти?.. Дед Макар, да. Родитель твой где?.. Вот не везет...— Макар Аидреевич загорюиился:— Жаль, у меня к иему дело. Оперативиое. До вечера ждать ие могу. Что же делать? Слушай, Дарья, а ты язык умеешь за зубами держать?.. Тогда у меня к тебе просьба. Приходи, я тут, у кино «Сатурн», в тенечке прохлаждаюсь.

Даша не заставила себя ждать, и, когда они присели на дышащую зиоем даже в тени скамейку, дед Воронков доверил девочке свой секрет. Если признаться, этот секрет не вызвал у Даши особого интереса. Ну, появились иа Черном болоте какие-то люди, ну, бродят с инструментом. Подумаешь, открытие! Почему об этом непременно иужно ставить в известность милицию?

Даша ждала, что Макар Аидреевич по крайией мере иаткиулся иа след ротмистра Вологжанина. Но этого не произошло, а раз так, то...

Но разочарование проходило, так как старик признался, что эту новость ждет майор Шевченко, и, кроме Даши и ее отца, Макар Андреевич никому не может перепоручить свое оперативное дело.

Если хорошенько разобраться, что-то в этом сообщении было. Уж не те ли «старатели» кружат в Черном болоте, которых спугнули в Нечаевском логу Саня и Димыч?

— Так передашь Борису Ивановичу?— поднялся дед Воронков и привычным движением набросил на плечи выцветший рюкзак.

— Передам, дедушка,— поспешно заверила Даша.— Непременно передам.

Ну в самом деле, не станет же Макар Андреевич по пустякам в милицию обращаться.

(2) Выселки. Июль 1988 года

На окраине Выселок пылал костер. Вокруг него расположились несколько человек. Отблески огня прыгали по лицам, выхватывая их из темноты.

На охотников эти люди не походили — ни ружей, ни фантастических воспоминаний о былых трофеях. Рыбаки? И намека нет на снасти. Скорей всего, туристы, уставшие от дневного перехода.

Две светящиеся точки замигали в той стороне, куда смотрели туристы. Там, на дороге, ведущей от кирпичного завода, точки постепенно увеличивались в размере, и становилось ясно, что это автомобильные фары. Сонная дрема ожидания слетела с ночных обитателей Выселок.

Из темной легковушки вынырнул высокий человек в белой рубашке. Уверенная походка подсказывала, что заскочил он не на огонек, как это бывает в долгой доро-

ге, а приехал специально, зная, что его ждут. Приезжий негромко спросил:

— Все в порядке?

— Как полагается, шеф.

Шеф вошел в полосу света и поочередно подал руку дожидавшимся его людям.

— Большой огонь развели,— недовольно сказал он,— от завода видать. С вашей конспирацией прогореть недолго. В такую сушь можно и фонариком обойтись. Искры хватит, чтоб постройки занялись.

— Кому они нужны!— фыркнул ломающийся голос.

— Мне!— сердито отрезал человек, которого назвали шефом.— И запомните это, сынки, раз и навсегда. Товар доставили?

— Товар с нами, но...

— Что «но»? Вы мое правило знаете, за кота в мешке я деньги не плачу. Только после оценки. К слову, вы должны знать, зелень из Сухой балки уступает качеством товару Нечаевского лога. Сами виноваты, если бы действовали с оглядкой, могли бы еще недельку порыскать в пещере.

— Могли бы,— отозвался тот, что вел разговор,— неприятностей не хочется. Был мешок со сланцем, стал мешок пустым. Нет, дальше там работать было нельзя.

Шеф хохотнул:

— Разумно, беру свои слова назад. Слышу голос не мальчика, но мужа. И все-таки... Это все ваши проблемы, решайте их сами. Мне нужен товар, вам нужны деньги. Так?

— Так.

— А теперь гоните товар, деньги привезу в следующий раз.

— Да уж чего там,— согласился старший,— мы слово держим.

Он передал владельцу легковушки что-то вроде пакета, и тот без промедления вернулся за руль.

— Уберетесь, когда догорит костер, не раньше.

Легковушка тронулась, и продавцы товара вслух и без стеснения стали проклинать уехавшего шефа, но ослушаться не решились.

Не скоро еще Выселки погрузились в полную тьму.

СИГНАЛ ИЗ НЕБЫТИЯ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Итак, позарез нужна книга, в названии которой есть слово «Русь».

Несмотря на серьезные сомнения краеведа Соловьева, Саня Ладыгин продолжал верить в существование этой книги и, больше того, спал и видел, как находит ее. Вот она попадает ему в руки, и он, вызывая Дашин восторг, с невозмутимым спокойствием на лице, подобно фокуснику, ловко вытаскивает записку гвардейского ротмистра. И тут, конечно, открывалась старая тайна. Ротмистр, допустим, сообщал Розерту следующее: саквояж с изумрудами спрятан в Нечаевской пещере, вот вам, Эрик Иоганнович, верные координаты. Или же на Макаровом озере. Впрочем, озера тогда еще не было...

Далеко уносился Саня в мечтах, а наяву дела были более чем скромными.

Ребята открыли для себя в городе массу интереснейших вещей. Например, 39-томную «Русскую историческую библиотеку», изданную археографической комиссией в 1872—1927 годах, комплекты журналов «Русская мысль», «Русский архив», «Русское богатство». Выходила в прош-

лом веке и газета «Русь». Удалось подержать в руках карамзинскую «Историю государства Российского». Но все это было не то, что требовалось.

А после неудачной поездки в Свердловск Саня запсиховал. Ну о какой записке может идти речь, когда ищешь то, не знаешь что?!

Хорошо, что позвонил Соловьев, голос у него был таинственный:

— У меня кое-что есть интересненькое...

— Нашлась «Русь»?— взвился Саня от нетерпения.

— Чего нет, того нет, а вот про англичан поговорить можем. Была здесь английская компания.

Известие об англичанах, по правде говоря, мало что давало Сане. Ну были они до французов, что из того? Краевед уловил это и рассмеялся.

— Экий ты нетерпеливый! Да не горюй, не горюй... Наше дело такое — ошибаться, попадать впросак и снова искать.

Саня печально вздохнул.

— Ну что ж, давайте поговорим про англичан.

Даша, вернувшаяся из очередного обхода библиофилов, застала Саню в полном отчаянии. «Мы,— уверял он,— окончательно зашли в тупик, может, напрасна вся эта затея?»

Даша укорила:

— Что, трудностей испугался? Прав Соловьев, надо искать. Макар Андреевич сквозь недоверие и насмешки прошел, а не сдался.

Была она, как никогда, серьезна, даже чуточку сердита. И усомнившийся было в успехе Санька, отогнав минутную слабость, с головой ушел в «Занимательную минералогию» Ферсмана, относившего изумруд, самый яркий, благородный и редкий среди самоцветов камень-смарагд, к драгоценностям первого порядка: алмазам и сапфирам.

(2) Камнегорск. Август 1988 года

— Сейчас мы навестим моего знакомого,— сказал при встрече неунывающий Соловьев.— Он, правда, в санатории, но его внук, любезный молодой человек, вызвался помочь нам.

«Любезным молодым человеком» оказался Митрий. Он остолбенел, разглядев за спиной Павла Васильевича своих одноклассников. «Что происходит?»— читалось в его глазах.

Выяснив, что ребята давно знакомы, Павел Васильевич приступил к делу, ради которого они заявились в этот огромный девятиэтажный дом, который за размеры и белизну называли в городе теплоходом.

— Тэк-с,— с удовольствием начал он,— значит, говорите, французы? И никаких англичан? Ну, ну...

Павел Васильевич довольно потирал руки, словно собирался на радостях закусить юными друзьями, то и дело бросая хитрый взгляд на раскрытую книгу внушительных размеров.

— Читай, Саня,— ткнул пальцем в левую страницу под номером 1314.— Вот здесь, в разделе «Пермская губерния».

Ага... «Пермская губерния, Екатеринбургский уезд...» Так. Не то... Не то... Есть! «Добыча изумрудов. Новая компания изумрудов. Английское акционерное общество...»

Саня прочел эти строки вслух.

— Ну-ка, покажи!— Даша хотела придвинуть книгу к себе, но просчиталась. Тяжелый, как кирпич, фолиант сорвался со стола. Послышался резкий треск, так с силой рвется плотная ткань, и в руках Даши остался только переплет.

Ребята испуганно замерли, а Павел Васильевич схватился за сердце, пораженный святотатством. Про Митрия и говорить нечего — он просто обалдел.

Саня стал проваливаться сквозь пол: хороши гостеньки, какой погром учинили! И когда провалился наполовину, увидел на ковре смятый клочок бумаги. Наверное, от страницы обрывок. Как робот, он медленно поднял его и протянул Соловьеву, а сам принялся всовывать книгу в переплет, ощетиненный засохшим клеем и суровыми нитками.

И вдруг грянул гром.

Нет, это был не гром, скорее, землетрясение.

Павел Васильевич издал вопль, словно мальчишка, обнаруживший на свалке альбом с марками прошлого столетия.

— Нашлась! Нашлась, миленькая!

Это надо было видеть! Почтенный старец бегал по комнате с той бумажкой, что Саня поднял с ковра. Глаза его светились, а руки дрожали. Безумие Соловьева было скоротечным. Он опомнился и затих, озирая всех счастливым взглядом.

— Вот он, аргумент в пользу Воронкова. Слушайте: «Господину Розерту. Второй вариант...» А дальше, вот чертовщина, не разберу...

— Дайте мне,— протянула руку Даша и, с трудом переводя дыхание, прочла окончание, которого не знала ни одна душа в мире:

— Rassokhi. Pin á deux troncs. Roche blanche.

— Перевод?— потребовали в голос Соловьев и Саня.

— Сейчас, сейчас,— девочка замешкалась, подыскивая нужные слова.— Ну, Рассохи — это понятно... Так... Не соображу, как поточнее передать...

Она долго глядела в потолок, шевелила губами. Наконец объявила:

— Рассохи. Двойная сосна. Белый валун.

— И все?!

— Все...

— Вот так фокус!— Павел Васильевич засуетился, притянул к себе ребят:— Поздравляю!

Ничего не понимающий Митрий, как гончая, напавшая на след, жадно втягивал воздух.

— Да объясните же, что происходит?

Саня все еще держал искалеченныи том. На линялой красной ткани переплета не без труда можно было прочесть крупный заголовок: «Вся Россия».

Теперь недоумевал Соловьев.

— Это адресная книга Суворина на 1903 год. Теперь уже редкая вещь,— с легкой завистью сказал Соловьев. — Я бы за нее дорого дал.

— А как она к вам попала?— спросила Митрия Даша.

Тот, польщенный общим вниманием, не заставил себя долго ждать. Эту книгу его дедушка выменял в Свердловске на толкучке, возвращаясь с фронта. Отдал копченую колбасу из последнего офицерского пайка.

— Но имейте в виду,— продолжал Митрий ковать железо,— ему будет неприятно узнать, какой участи вы подвергли «Всю Россию», он ее очень ценит. Я готов привести книгу в порядок, если...

(3) Камнегорск. Август 1988 года

Фортуна подмигнула одним глазком.

Даже Митрий ошалел от находки, хотя палец о палец не ударил, чтобы пролить свет на тайну ротмистра Вологжанина. Но ведь это в его доме столько лет хранилась записка из восемнадцатого года, и Митрий узнал все то, что знали остальные участники этой истории. Он и предложил тотчас же отправиться к деду Макару и...

Но Соловьев быстренько охладил возбужденных ре-

бят: на месте былых Рассох раскинулось водохранилище ГРЭС, так что спешить, получается, некуда.

Митрий провел беспокойную ночь. Чуть свет он поднял Саню с постели, полный желания немедленно приступить к поиску клада.

Заспанный, Саня не сразу понял, чего добивается от него взбудораженный Митрий, и, позевывая, соображал, куда направить его энергию. И нашел ей достойное применение.

— Да, откладывать не стоит. В первую очередь необходимо известить о записке деда Макара. Правильно?

Митрий с готовностью закивал.

— Правильно! Давай ее, я мигом смотаюсь на озеро...

— А Димыч?— возразил Саня.

— Какой Димыч?

Действительно, какой? Пришлось Сане заочно познакомить Митрия со своим другом, которому пришла в голову мысль посоветоваться с Павлом Васильевичем.

— Теперь ты понимаешь, если бы не он, мы бы на тебя не вышли и записка ротмистра пролежала бы в книге еще тысячу лет.

— Ты хочешь сказать, что записку надо сначала показать ему?— обиделся Митрий.

— Ну да, это же лучше всякого лекарства. А вдруг его сегодня и выпишут? Давай навестим его, а потом уж на озеро.

Энтузиазм в Митрии угасал, это было видно по его вялому лицу, отсутствующему взгляду. И Саня подстегнул самолюбие одноклассника.

— Хорошо, давай сделаем так. Ты идешь к Макару Андреевичу прямо сейчас, увидишь, как он обрадуется сообщению. Подумай, ты будешь первым, кто принесет долгожданную весть. Он этого дня семьдесят лет ждал. Ну?

Он попал в точку. Митрий страсть как любил быть первым.

(1) Макарово озеро. Август 1988 года

Остались позади Никитское кладбище, кирпичный завод. По левую руку высились отвалы, опоясывающие Нечаевский лог. Саия, чтобы сократить дорогу, жался ближе к Большому Створу.

Еще издалека услышал ои хлюпающие звуки.

На озере были чужие: двое в дедовой лодке ботали длиииыми жердями, пугая рыбу, а озеро перегорожено сетью.

«Да это же те, иалетчики!»— сообразил Саия.

Ни деда Макара, ии Митрия на берегу ие было. Зато у костра лежал Дылда. Уже зиакомое чувство опасности заставило Саню остаиовиться. Но Дылда ие выказал воииствеиности, изобразил на мятой физиономии подобие улыбки и широким жестом пригласил к костру:

— Садись, пиоиерчик, гостем будешь.

Нашелся хозяии! А где же дед Макар? Саия осмотрелся. Дылда проследил за его взглядом и иебрежно сказал:

— Отдыхают.

И точно ие соглашаясь с этим объясиеиием, из сторожки доиесся голос старика:

— Алексаидр, беги! Не верь этим бандитам!

Дверь в сторожку была подперта огромиым колом. Дылда с ленцой шевельиулся.

— Паиикует ветераи. Что стар, что млад — одииаково ума иет. Мы по-хорошему, а оии хай подияли, пришлось изолировать от общества. Ты, иадеюсь, туда ие хочешь?

Не слушая его излияиий, Саиька бросился к избушке, но Дылда неожиданно ловко выдвииул иа пути тяжелую иогу.

— Чо он там ерепенится?— закричали с лодки.— Не нравится, дай ему как следует.

Заломив Сане руки за спину, Дылда повалил его наземь и стал поучать.

— Жить надо спокойно, не спеша, нервные клетки не восстанавливаются. А ты человек нервный, это я еще в прошлый раз заметил. Лечиться надо в дурдоме. Я тебе, как другу: посиди, побеседуем, а ты...

Саня задыхался от гнева и бессилия.

А Митрий кричал из амбразуры окошка:

— Санька! Не связывайся с ними!

«Советчик отыскался!»— мысленно огрызнулся Саня. Если бы Димыча еще на день не задержали в больнице, они бы им показали.

Вспомнив о Димыче, Саня собрал все силы.

А Дылда продолжал поучать:

— Дурашка, ты думаешь, сейчас явится дяденька мент и выручит вашу компанию. А фигу не видел? Возьму вот и ножичком по шейке чирикну — и салют мальчишу. Потом в избенку закрою и полбака бензина не пожалею. Никакая экспертиза не определит, почему сгорели. А все потому, что ты гордец и эгоист, без нас хочешь клад откопать. Жадность, она фраера губит, запомни. Но если записочку отдашь, отпущу, так и быть.

Такой яростной прыти от поверженного мальчишки Дылда явно не ожидал. Проутюжив костер, он отлетел в сторону и зашелся дурным голосом.

Победоносному Сане уже мнилось, что Дылда трусливо покинул поле боя, но он выдавал желаемое за действительное. Противник вскочил и с остервенением пустил в ход свои лапы.

Подбежали еще двое...

(2) Макарово озеро. Август 1988 года

Они стянули ему руки его же ремнем и бросили у костра. Сели рядышком, дыша, как загнанные лошади. Бесцеремонный Хорек ловко вывернул Санины карманы и расстроился, ничего не обнаружив.

— Хоть бы чирик заныкал!

— В рубашке посмотри,— прохрипел Лысый, прикладывая мокрый платок к фингалу под глазом,— успел-таки лягнуть Саня предводителя, когда они всем скопом навалились на него.

Хорек запустил руку в нагрудный карман, и личико его расплылось в ухмылке: записка ротмистра оказалась у него. Он шевелил губами, пытаясь проникнуть в загадочный текст...

— Отдай, гад!

— Сичас,— издевательски протянул в ответ Хорек и передал записку Лысому. Тот пробежал ее глазами и сказал:

— Ничего, шеф разберется, он у нас полиглот, он эту ахинею на чирики переведет.

Они дружно загоготали.

— Ну и сволочь ты!— Саня не узнал свой голос.

— Это я-то?— обиделся Лысый.— Нет, дружок, это ты сволочь. Ты же чуть троих человек не убил. Страшно сказать, завтрашних строителей коммунизма...

Из сторожки по-прежнему доносились голоса и шум. Это узники рвались на волю.

Лысый входил в раж:

— А сейчас водные процедуры, чтобы на людей не кидался. Заодно и остынешь.

Они совали Саню головой в воду и держали там, навалившись двумя тушами и одним хлипким тельцем. Вытаскивали и, только набирал воздуха в легкие, снова топили.

Уже теряя сознание, он ощутил, что на него никто не давит. Выполз на берег, и только тогда до него дошел ослабевшим эхом звук выстрела.

Дед Макар высовывался из пролома в тесовой крыше с двустволкой в руках.

— Записку!— потребовал старик.

Лысый лихорадочно извлек из куртки записку и положил на траву.

— А теперь бегом арш!

Дылда и Лысый мигом оседлали «Явы», а у Хорька не ладилось с мотором. Он повизгивал от страха и не мог отвести глаз от ружья, нацелившегося в него двумя темными, бездонными зрачками.

Но вот мотор фыркнул, и Хорек резво покатил мотоцикл, забыв, что надо прыгать в седло и жать на газ.

Всю немалую браконьерскую добычу Макар Андреевич выпустил в озеро, поминая недобрым словом заезжих варваров.

Саня зализывал раны. Митрий старался не глядеть на него, но отвечать пришлось. Макар Андреевич сочувственно покашливал, слушая, как оправдывается мальчишка.

— Послал ты меня на озеро... А тут они, значит. Думаю, может, подвезут, ну и напросился...

Узнав, что Митрий спешит к деду Макару, мотобанда принялась насмехаться над стариком. Особенно старался Хорек, он и назвал Макара Андреевича придурочным Робинзоном. Тогда, чтобы поднять авторитет деда, Митрий обмолвился о записке с координатами тайника. Мотоциклисты переглянулись и, прихватив пассажира, двинулись на стоянку Макара Андреевича.

— Да полно, Александр!— не выдержал Макар Андреевич.— Кто об этом кладе не знает. Все одно записка-то у нас, просчитались молодчики.— И, помолчав, сказал дрогнувшим голосом:— Даже и не верится, что в руках ее держу. Сколько годов-то прошло...

ГЛАВА О ВЕРОЛОМСТВЕ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Митрий человек легкий. О происшествии на Макаровом озере он старался не думать, а если и вспоминал, то рисовал себя чуть ли не героем. А что, не его вина, что так все вышло. Не засунь его мафия под замок, он бы им задал! Уж он-то не сплоховал бы, как Санька.

Возвращался Митрий из кино. Японский фильм вселил в него боевой пыл. «И-я!»— мысленно орал Митрий, и падали перед ним как подкошенные все известные ему мафиози Камнегорска и окрестностей.

«И-я!»— резвился смелый Митрий, загадочно поглядывая на окружающих, которые и не подозревали о его невиданной силе и каратистских приемчиках. И вдруг...

В пяти шагах он него на лавочке сидел Хорек. Был он на этот раз без мотоцикла, но в том же рокерском кожанчике.

Хорек улыбался, словно увидел лучшего друга.

Оглянувшись на всякий случай и ничего подозрительного не обнаружив, Митрий напрягся и отступил назад.

— А я тебя жду, жду...— Хорек был необычайно вежлив.— Дело есть на миллион рублей.

— Ну?— набычился Митрий, готовый в любой момент задать стрекача.

— Не пужайся, я без подвоха,— сказал Хорек. Его остренький взгляд ощупал Митрия с ног до головы, как бы проверяя, стоит ли начинать разговор.

— Чирик хочешь?

Митрий вспыхнул:

— Не продаюсь!

И столько в голосе его было благородного негодования, что Хорек обронил улыбку.

— А я не покупаю и нищим не подаю. Деньжку надо зарабатывать. У тебя есть такая возможность, можешь получить не один чирик.

Митрий расслабился.

— Что это за возможность?

Поднявшись, Хорек вытащил руки из карманов, и Митрий с опаской отодвинулся.

— Э, да ты боишься,— с презрительным удовлетворением отметил Хорек.

— Чего мне бояться, я ничего не боюсь,— пробормотал скороговоркой Митрий, только что валивший с ног воображаемых противников.

— Так-то лучше. Пошли?

(2) Камнегорск. Август 1988 года

В последние дни у Даши установился прочный контакт с Павлом Васильевичем Соловьевым. Началось с того, что Соловьев попросил ее отнести на почту заказное письмо.

Отправить письмо Даше не составило труда, тем более что краевед не утаил его содержания. Он адресовал в Москву подробную информацию о зарытых на дне Рассохинского водохранилища сокровищах и предлагал начать их поиск. Девочка ни на минуту не сомневалась в том, что большое начальство заинтересуется этим предложением.

А сейчас она бежала из аптеки: Соловьев прихворнул, и Даша торопилась доставить ему лекарство.

Из утонувшего в купах деревьев городского сада долетал рассыпчатый смех, заглушаемый музыкой. Радужные струи фонтанов притягивали к себе детей и взрослых. Даша пронеслась бы мимо, если бы краешком глаза не засекла полосатую футболку Митрия, что мелькнула на главной аллее.

То, что произошло дальше, заставило Дашу забыть обо всем на свете. Митрий был не один, с ним, жестикулируя и улыбаясь, шествовал Хорек. О, этого омерзительного типа она узнала бы среди множества людей!

Хорек обнимал Митрия за плечо и, изогнувшись, что-то нашептывал ему в ухо. Они направлялись к скамейке, упрятанной в глубину аккуратно постриженного кустарника, где стоял бездействующий фанерный киоск «Мороженое».

Невозможно было поверить, что вчерашние враги могли так мило улыбаться друг другу.

Но это был факт.

Она не могла уйти из сада, не выяснив причину столь странной связи одноклассника, которому доверена большая тайна, с заклятым врагом, жаждущим похитить автограф ротмистра Вологжанина.

Крадучись, Даша обогнула опасное место и, юркнув в полутемный закуток киоска, прижалась к тонкой стенке, прислушалась.

С той стороны доносился неясный разговор, но слова разобрать было невозможно — так шумит вода, ровно, спокойно, умиротворяюще.

Даша сгорала от любопытства и тревоги.

Диалог, который она безуспешно пыталась уловить, между тем продолжался.

— ...лабуда все это — учеба, диплом, карьера. Ты знаешь, сколько инженер получает? То-то же. Мою «Яву» видел? Мне бы на нее век не скопить, а я ее за месячишко сделал.

— А разве можио так?

— Ну ты даешь! Я, по-твоему, ворую, что ли?

— А чего тогда мнлнцин боишься?

— Не боюсь, но остерегаюсь. Есть разиица?.. Вот ндешь ты по дороге, а под иогамн деньги валяются. Что сделаешь?

— Конечно, поднниму.

— Вот н мы поднимаем. Можно сказать, санитары прнроды. От иас ннкто не страдает. Слышал, государство — это мы? Мы тоже государство. Ну ладио, заболтался я с тобой. Еще будет время разобраться, что такое хорошо, что такое плохо. А ты про субботу не забудь...

— Не забуду.

— И учтн, копня не нужна, шеф платит только за орнгннал. Он у нас романтнк, обожает старниу всякую. Не случайно н свидаине иазначил у черта иа куличках.

— Но прн условии...

— Будь спок, только посмотрнт н вериет.

(3) Камнегорск. Август 1988 года

Так инчего н ие услышавшая, Даша решилась на отчаянный шаг.

Сейчас же вылезет из киоска, подойдет к Митрию н прямо посмотрнт ему в глаза. Если Мнтрий в замешательстве отведет взгляд, значит, он встал на путь предательства. Если обрадуется?.. Если обрадуется, возможио, Хорек запугнвает его.

Разгоряченная собствеииой смелостью, Даша вышла нз укрытия и растерялась. На скамейке ннкого ие было. И опять выручила приметиая футболка Мнтрия.

Сосредоточеиный иа своих мыслях, Митрий витал где-то в облаках, ие замечая вокруг людей, н Даша переду-

мала подходить к иему. Теперь, в отсутствие Хорька, ои ие годится для ее психологического эксперимеита.

Пристроившись в хвост Митрию, оиа проводила его до автовокзала; пользуясь иаплывом пассажиров, иезаметио оказалась у окошка с иадписью «Справки» и, прячась за чужими спииами, иавострила уши.

— Скажите, пожалуйста,— обратился Митрий к дежуриой,— как добраться до Выселок?

— На грэсовском автобусе, остаиовка Никитское кладбище...

Лицо Митрия вытяиулось.

— Но ведь оттуда идти да идти...

— Не задерживайте очередь, молодой человек,— отмахиулась дежуриая,— маршрутиые автобусы до Выселок ие ходят.

Недовольиый Митрий долго изучал расписаиие. Пользуясь этим, Даша выскользиула за дверь и иаправилась к Соловьеву, который, должио быть, заждался ее.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Да бросьте вы, иикаких улик против Митрия нет,— стоял на своем Димыч,— одии подозреиия...

— Скажи еще, выдумки,— ие сдавалась Даша.— Тогда чего же ои вдруг засобирался в пустыииые Выселки? И как раз, заметь, после встречи с Хорьком... Оии о чем-то договорились.

— А что Выселки? Там грибиые места, я давио их зиаю. И вообще, что это мы все вокруг да около? Да-

вайте спросим его самого, мол, так и так,— предложил Димыч, поглаживая подживающий шрам на лбу.

— Нет,— возразил Саня,— ты просто не знаешь Митрия. Он же как кардинал Ришелье — даст вполне убедительный ответ, а мы так ничего и не узнаем.

Обсуждение ситуации затянулось, а четких выводов не было сделано.

И тут появился Митрий. Сам, собственной персоной. Легок на помине! Митрий как ни в чем не бывало дружески улыбался. Аккуратный, деловитый, он всем своим видом словно бы опровергал нависшие над ним подозрения.

— Мадам! Мсье!— последовал шутливый поклон.— Я ненадолго задержу ваше внимание, если вы соблаговолите меня выслушать.

Интересно, что он выкинет?

— А вы уверены, что записка Вологжанина не подделка? Я такой возможности не исключаю, поэтому предлагаю провести экспертизу. Ничего сложного в этом нет, нам поможет моя тетка Вера, в субботу она будет здесь, и наш дом...

Димычу еще не приходилось присутствовать при вдохновенных выступлениях Митрия, и он заслушался. А Саня с Дашей были непроницаемы.

Тетка Митрия когда-то училась в той школе, где теперь продолжил ее славу, славу медалистки, племянник. В школьном музее среди фотографий выпускников, которыми гордились преподаватели, экспонировался и портрет Митриевой тетки, профессора, доктора исторических наук, крупного специалиста в области архивных изысканий.

— Пользуйтесь случаем, мадам, мсье,— горячо закончил Митрий,— проигравших не будет, победит дружба.

И он опять отвесил поклон.

Ребята молчали.

— Смотрите, вам видией,— скис Митрий.— Я как лучше хотел. Точность в любом деле иужиа, а здесь тем более. Ну думайте...

Митрий ушел ие простившись.

— Напрасио мы обидели его,— высказался, ии к кому ие обращаясь, Димыч.— Точиость ие помешала бы.

— Точиость? Какая точиость?!— откликиулась Даша.— Макар Андреевич ие сомиевается в записке, вот уж кому по правде видией. А Митрий что-то крутит.

Саия ие виикал в спор. Ои размышлял вслух:

— Замечательио, что Вера Степаиовиа приезжает в субботу. Дело за малым. Следует проверить, готовы ли горячо любимые родствеиииики к встрече.— Саия иабрал иомер телефоиа.— Квартира Дмитриевых?.. Добрый деиь. Вас из школьиого музея беспокоят... Нет, тоже иа каиикулах, ио уже пора оформлять экспозицию к учебиому году. Мы посвящаем отдельиый стеид Вере Степаиовие... Может быть, вы что-иибудь иовое расскажете? Что? Сама расскажет?— Саия скосил глаза иа притихших ребят.— А когда? Спасибо. Не подведем... Только, пожалуйста, ии слова вашему виуку об этом звоике... Ну да, сами поиимаете, сюрприз...

— Ты что, рехиулся?!— встревожилась Даша.— Это же обмаи, фу, как стыдио!

— Ну, положим, музей нам спасибо скажет за цеииую иинформацию,— иевозмутимо проговорил Саия.— Важио другое. Тетка Вера приезжает, это правда, ио в сеитябре. Что скажете, а?

— Вот жук, а как красиво врал!— беззлобио рассмеялся Димыч и передразиил Митрия: «В эту субботу иаш дом имеет честь...»

— А я что говорила!— Даша торжествовала.— Крутит Хитрый Митрий.

— Крутит, да еще как. Я думаю, Даша права, они как-то связаны между собой — Хорек, Выселки, записка, вранье Митрия. Если так, Митрий...— Саня не стал продолжать, но все догадались, что он подразумевал.

— А по-моему, это случайность,— возразил Димыч. Тут уж взвинтилась Даша:

— Как-то странно получается. Тебя чуть не убили — случайность, Митрий с Хорьком целуется — не стоит внимания. Так, что ли?

— Да нет, я ничего,— примирительно сказал Димыч.— Значит, правильно, что не отдали ему послание Вологжанина.

— Правильно, но не совсем. Я, кажется, что-то придумал.— Саня посмотрел на девочку:— Ты вроде бы свой человек в милиции...

— Скажешь тоже. Была я там по просьбе Макара Андреевича, познакомилась с одним майором... Его фамилия Шевченко, а вот имя-отчество забыла...

— Борис Иванович,— подсказал Саня.

— Точно,— удивилась Даша.— А ты откуда знаешь?

— Приснилось,— загадочно ответил Саня.— Так вот, нам надо срочно повидаться с Борисом Ивановичем.

— Я могу позвонить.

— Хорошо бы... Хотя дед Макар говорил, что там не верили его рассказу.

— Ну и что? Теперь у нас на руках записка ротмистра.

(2) Камнегорск. Август 1988 года

Шевченко согласился «подышать свежим воздухом». Новость из бурной жизни младшего поколения увлекла его больше, чем ожидали ребята. Он переспрашивал, уточнял детали, особенно интересовался мотобандой.

Как-то так получилось, что Саня рассказал и о том, как они с Димычем лазили в пещеру Нечаевского лога.

— А люди, которых вы встретили в пещере, вам больше не попадались?— спросил майор.

Саня замялся, и в разговор вступил Димыч:

— Знаете, разглядеть было трудно, там темнота, хоть глаз коли. Но вот голос одного из них... Он такой, как бы вам сказать, как у физрука нашего, когда он команды подает.

— Повелительный?

— Точно. Еще этот человек любит употреблять слово «хорош».

— Стой!— вмешался Саня.— Так это же Лысый! И ты молчал?!

Димыч притих.

— Смотри-ка,— Шевченко, похоже, остался доволен,— а вы, ребята, наблюдательный народ. Ну, а какие-то имена, адреса они называли?

— Ничего такого не слышал,— покачал головой Саня,— вот разве...

И он рассказал, как Лысый упомянул шефа-полиглота.

Спокойный Шевченко, оказалось, может и волноваться.

— Как? Как?

Саня повторил слова Лысого.

Странно, но майор чему-то улыбался. Ребята переглянулись: может быть, сейчас рождался план поимки главаря камнегорской банды.

— Ну что ж,— заключил Шевченко. Я вас внимательно выслушал, теперь послушайте меня. Митрию надо помочь.

— Помочь?!— молчавшая до сих пор Даша съехидничала:— Пригласить его на совет дружины и всыпать по первое число?

— Может быть.— Шевченко не шутил.— Это дело ваше, но я не о том. Надо помочь ему с запиской.

— Зачем?!— не понял Саня.

— Не кипятись, сыщик,— осадил его Борис Иванович.— Это тактический ход. Митрий что? Он пешка в чужой игре. А кто игру затеял? Мне, например, хочется познакомиться с этим шефом-полиглотом.

Даша захлопала в ладоши:

— Западня? Гениально придумано!

— Только с Митрием осторожно. Чтоб не догадался,— напутствовал ребят Шевченко.

(3) Камнегорск. Август 1988 года

Вернувшись к себе, начальник ОБХСС задумался. Год назад они обезвредили группу добытчиков изумрудного сырья, и вот снова кто-то безобразничает в окрестностях Камнегорска.

А тут еще история с драгоценностями Вологжанина. Впрочем, она, конечно же, чушь, детское баловство. Покойный ротмистр мог без зазрения совести ввести в заблуждение своего компаньона, а если и нет, то ищи-свищи тайник на дне Рассох, а это тридцать квадратных километров.

«Чушь,— свел воедино мысли Шевченко.— А вот что записка нашлась — хорошо».

Это хорошо, что она нашлась, став приманкой, на которую польстилась крупная рыба. Кто? Обух? Этот воротила сибирскую тайгу рубит. Крайнев? Тоже в зоне. В прошлом году многие любители драгоценных камней против своего желания отправились из уютных квартир на казенные нары. Многие, но не все. Тот же Витковский. Он поплатился коллекцией, дороговатой коллекцией, но остался на свободе. Нет, он не щука, так себе, окунек... Хотя...

Витковский, Витковский... При последней встрече он торжественно обещал, что «гражданин начальник еще услышит о нем добрую славу». Думалось тогда: мужик серьезный, раскаивается искренне. Но таких клятв на своем веку он, Шевченко, наслушался вдосталь...

Да, если бы не объявившаяся вдруг таинственная, всегда казавшаяся мифической записка ротмистра Вологжанина да не ребячья вера в изумрудный клад, пришлось бы повозиться с новоявленными «рыцарями фарта» из Нечаевского лога и с их осторожным шефом. Шевченко хмыкнул: повезло, помощники у него что надо. Только как бы их, дьяволят, отвлечь от операции задержания. Они так и рвутся в бой, как бы дров не наломали.

СУББОТНИЕ СЦЕНЫ

(1) Выселки. Август 1988 года

В субботу, ближе к полудню, Митрий серой мышкой выскользнул из подъезда и, постоянно озираясь, прячась во дворах, прошмыгнул к автовокзалу. Вчера он получил записку, обошлось без уламывания. Выходит, пламенная речуга сыграла свою роль.

Вручая ему бумажку, Ладыгин строго сказал:

— А ты не боишься? Если мотобанда узнает, что записка у тебя...

И он, Митрий, не моргнув глазом, бодро, по-геройски ответил:

— Скажешь тоже, так я и дался...

И все-таки приходилось держать ушки на макушке. А вдруг додумаются следить за ним.

Митрий не знал, что осторожничал напрасно. Тех, кого он опасался встретить, с утра не было в городе. По

версии для Бориса Иваиовича, оии отправились на Макарово озеро, как ои того и хотел: будут под присмотром деда Макара.

Одиако, обогиув таежиое озеро, ребята устремились к Выселкам.

И теперь терпеливо ожидали событий, облюбовав местечко для иаблюдения в скопище дикой малииы иа окраиие заброшеииого старательского поселка.

Отсюда хорошо просматривалась разбитая лесиая дорога. Навериое, она была точно такой же, как во времеиа ротмистра Вологжаниииа. Только теперь по ией ездили иа современиых машииах, а ие иа лошадях.

Как иа ладоии и покосившиеся, полуразрушеииые избы Выселок. Наиболее уцелевшая из иих выбрела к самой дороге и присела среди бурьяиа и здоровеииых камией.

— Саиь, а Саиь,— беспокоилась Даша,— вдруг оии совсем ие появятся?

Саия сердито покосился иа иее. Впервые в жизии ему захотелось иакричать иа Дашу, потому что оиа прочла его тайиую мысль, а эта мысль и ему ие давала покоя.

— Появятся, куда им деться. Им Митрий во как иеобходим. Как бы иаши ие опоздали.

«Наши»— это, каждый поиимал, Борис Иваиович с милицейской группой.

— Тише!— прошипел Димыч.— Хватит болтать!— И, точио по его комаиде, из-за поворота показались мотоциклисты.

Оии приближались. Одии из этих круглоголовых, Саия был твердо увереи в этом, сбил Димыча. «Ладио,— стисиул ои зубы,— допрыгаетесь...»

Круто развериувшись у крайней избы, Лысый устаиовил «Яву» на подиожку и, смачно сплюиув, взобрался иа камень, почериевший от дыма раскладываемых у его

подножия кострищ. Он ловким щелчком вышиб из пачки сигарету и, прикурив от зажигалки, затянулся.

Остальные последовали примеру вожака. Сидели, перебрасывались шуточками, оглядывая дорогу.

Саня вдруг представил, как их обнаружат, и мурашки холодно забегали по спине. Додумать не успел — к Выселкам рысью приближался Хитрый Митрий, весь распаренный, взмыленный.

— Смотри, торопится продать подороже,— вырвалось у Даши, и она испуганно прикрыла ладошкой рот.

Завидев Митрия, парни повеселели, сбились в кружок.

Хорек, как высокая договаривающаяся сторона, после обмена рукопожатиями спросил:

— Принес?

Митрий потянулся в карман, но Хорек остановил его. Записка нужна не ему, важен факт, что она есть.

В разговор вступил Лысый:

— Ментов не привел?

— Не маленький,— осклабился Митрий.— Я же по лесу пробирался.

— Молодец! А что видел?

Митрий задумался, переминаясь с ноги на ногу, затем радостно выпалил:

— На своротке с кирпичного «Жигуль» стоит. Водитель под машиной возится... А так ничего особенного.

Парни насторожились.

— Какого цвета машина?

— Желтого.

— Номер не приметил: наш или свердловский?

Хитрый Митрий растерялся.

— А надо было?

Так и напрашивался новенький на хорошую плюху, и Лысый едва превозмог желание проучить его.

— В следующий раз такой ответ не пролезет. Мы

тут как в разведке, глаз да уши — основа жнзнн. Понял?

Митрнй закнвал.

— Набнрайся ума-разума. Шеф говорнт, что нз тебя еще можно человека сделать. А вот твон соратнччкн... Как там черномазый пожнвает? Слышалн, что нездоров он. Да, не повезло.

Прн этнх словах Хорек задергался как марнонетка, но Лысый так полоснул его взглядом, что тот съежнлся н прнтнх.

— Ну, хорош,— подвел первые нтогн Лысый.— Пока шеф конспнрацню блюдет, мы тебя проннструктнруем. Айда!

Мнтрнй послушно поплелся за ннмн в нзбу.

(2) Выселки. Август 1988 года

— Спектакль продолжается,— прокомментнровал Саня эту сцену.— Акт второй.

На небольшой скоростн подбнрался желтый «Жнгуль». Автомобиль как автомобнль, но наблюдателям он казался хнщным тнгром, готовым сейчас наброснться на беззащнтную жертву...

У стоянкн мотоцнклов водитель тормознул. Это был высокнй немолодой человек спортнвного внда. Он бережно закрыл дверцу н огляделся. Постоял, попннал нехотя блнжнее к нему колесо.

Потом шеф, а это, без сомненнй, был он, направнлся к дому, где в проеме дверн его встречал довольный Лысый, вытянув вперед руку с победно отогнутым большнм пальцем.

К удивленню наблюдателей, Лысый преобразнлся на глазах, откуда только взялнсь хорошне манеры —

пропустил прибывшего вперед, сделал полупоклон, ничем не напоминая развязного, приблатненного сорвиголову.

Второй акт развивался без посторонних глаз.

Шеф, восседая на обрубке бревна, как царь на троне, принимал парад войск камнегорского филиала. Лысый почтительно докладывал, где и сколько найдено зелени. Не требовалось быть знатоком, чтобы догадаться: речь идет о самоцветах.

В заключение доклада Дылда запустил длинную руку в провал пола и, скривившись, вытянул на свет старую брезентовую рукавицу. Лысый перехватил ее и высыпал перед шефом на промасленную тряпицу недельную добычу.

Шеф с ходу острым оком произвел отбор. Самый крупный кристалл откинул в сторонку.

— Брак, одна слюдка. За идиота меня держишь?!

Лысый устыдился.

— Прошу прощения, шеф, недоразумение.

Глава фирмы пересчитал самоцветы и по одному опустил в кожаный кошель, подобный тем, какие носили средневековые купцы. Крепко стянул его горлышко черным шелковым шнурком.

Добытчики приготовились получить законный, по их мнению, расчет, но шеф не спешил, глядел на них хмуро, спросил недовольно:

— Здесь все?

— Все, что попалось...

— А не темнишь?

Лысый заволновался:

— Себе дороже, шеф, кто же у нас товар возьмет?..

Шеф поморщился, неласково предупредил:

— Смотри, сынок, смотри...

Оглядел всех, задержал взгляд на новеньком, так же неторопливо вытащил и бросил Лысому несколько ассигнаций.

— Можешь не считать... На стольник меньше.

Физиономия предводителя вытянулась, он что-то порывался сказать, но тут встрял поскучневший Хорек:

— За что, шеф?

Шеф буднично, как на производственном совещании, произнес:

— Хозрасчет, что означает хозяйственный расчет, предполагает каждой сестре по серьге, но по заработанной честным трудом. А ты,— это Хорьку,— помолчал бы, сынок. Как это тебя не замели за наезд на ребенка?

— Так я... это... попугать,— оправдывался Хорек.

— И вообще, много себе позволяете, хулиганите, внимание привлекаете. Наша работа интеллигентная по своей сути, а вы так и норовите за решетку. Потому и штрафую, что жалко вас. Еще раз услышу, наш контракт будет разорван, живите на одну стипендию.

Не ожидавшие накачки, мотоциклисты понурились.

А в это время на пункте наблюдения произошло ЧП. Исчез Димыч. Даша растерянно озиралась вокруг и вдруг застыла от неожиданности. Саня тоже увидел Димыча, тот взбирался на чердак дома, где проходила тайная встреча, используя выступающие из угла бревна.

— Куда он?— едва не плакала Даша от досады.— Все испортит! Ох и попадет от майора!

Саня схватил ее за руку:

— Что же они опаздывают?!

(3) Выселки. Август 1988 года

Оии ие опаздывали. Борис Иваиович и двое его спутииков в штатском появились у Выселок раииим утром, когда тумаи еще ие сел, и видели, как окапывались в малиииике иарушители коивеиции, как прибыли мотоциклисты.

В осиовиом обстоятельства ие мешали замыслу, и Шевчеико ие стал прогоиять ребят, иадеясь иа их благоразумие. Но выглядевший тихоией Димыч выиудил его поволиоваться. Неосторожиое движеиие, и мальчишка загремит с чердака иа все Выселки, лишив оперативииков главиого преимущества — виезапиости.

Просчитав ситуацию, майор пришел к выводу, что передача изумрудов завершеиа, и дал комаиду своим людям.

В избе между тем продолжалась миролюбивая беседа. Подкидывая иа ладоии увесистый кошель, шеф виимательио изучал Митрия.

— А тебя, сыиок младшеиький, хвалю. Ты слово сдержал, а я свое слово еще скажу. И пусть тебя ие мучает совесть. Ну, показывай...

Митрий без звука достал ветхую записку и протяиул шефу. Тот мигом глотиул текст и, иичем ие выдав своего изумлеиия, как можио равиодушией сказал:

— Туфта!

Митрий ие верил своим ушам, ио шеф ласково обратился к иему:

— Стольиик устроит?

— Сколько?— осиплым от иеожидаииой удачи голосом переспросил Митрий.

— Ты что, сыиок?— удивился шеф.— Стольиик — это, по-вашему, десять чириков.

— Десять чириков...— завороженно протянул отличник учебы и активист школьной стенгазеты.

— Поладили. А записку верни, я в эти сказки давно не верю. Тебя же поощряю за хватку. Понял, как надо делать деньги? Если понял, у тебя тоже будет «Ява». Хочешь?

Витковский не закончил свой монолог. Дверь жалобно скрипнула...

За Шевченко в избу шагнули оперативники.

Подростки заметались по избе, Хорек кинулся к оконному проему, но его охладил голос шефа:

— Ты что, милиции не видел?

Сам он внешне не изменился и, пользуясь тем, что сидел к вошедшим спиной, избавился от улики — кошель с изумрудами провалился в дыру в прогнившей половице.

Наступила звучная тишина. Слышалось только хныканье Митрия, он испуганно размазывал обильные слезы кулаком, из которого торчала сотенная купюра.

— Здравствуйте, Витковский!— голос Шевченко ровен.

Шеф даже не шелохнулся.

— Вы, как всегда, не вовремя, Борис Иванович,— наконец отозвался он.— Пришли и вот... У меня, знаете ли, ностальгия развивается. Возраст, что ли? Так и тянет на родину. Свердловск — это большой муравейник, там душе тесно.

Шевченко поддакнул:

— И у меня такое же мнение. Порой мысль посещает: самое лучшее место в мире то, где родился. Так о чем же с детишками беседовали, Виктор Сергеевич, если не секрет?

— Как сказать... О разном. Видите, крюк в матице? Представьте себе, на нем моя колыбель висела. Интересно?

— Очень интересно,— сказал Шевченко и крикнул в потолок:— Эй, сыщик, спускайся!

И тотчас в щели потолка посыпалась земля, послышались легкие шаги. Витковского передериуло.

Когда поднимали половицы, чтобы достать кошель шефа, послышался всхлип.

Говоря языком милицейского протокола, узиать, кто всхлипиул в мииуту изъятия изумрудов, ие представляется возможным.

(4) Выселки. Август 1988 года

Витковского увозили в город на его же машиие.

Причем впереди, словио коивой, пылили «Явы», оседлаииые «сынками», ио их маршрут был строго определеи — УВД.

Младшего «сыика» отпустили под честное слово, иу не арестовывать же его в самом деле, и теперь он чесал по лесу, не разбирая дороги.

— Эх, Митрий!— снова пожалел Димыч. И иа этот раз Саиька и Даша его не одернули.

— Ладио, чего уж там,— выступила в роли третейского судьи Даша,— не посадят.

Саня ие поддержал:

— Достанется ему, будет помиить всю жизиь. Ну что, сыщики, по коням?

— Подожди, Сань,— голос Димыча иепривычно дрогиул.— Хочу вам кое-что показать. Давайте за мной.

Ничего ие объясняя, Димыч стал карабкаться иа чердак, ловко цепляясь за еще крепкие бревиа.

Тес, которым был некогда покрыт дом, изрядно пострадал от времени и непогоды. Кое-где обнажились тем-

ные ребра стропил, несмотря на то что хозяева когда-то пыталнсь латать зняющне дыры обрезкамн досок н картона.

— В чем дело?— строго спроснла Даша, не обнаружив ннчего такого, что бы привлекло ее вннманне.

— Да вот, взгляиите,— Днмыч ткнул пальцем в квадратную фанерку, прнбнтую к кровле.

— Саия!— позвала Даша.— Тут какне-то нероглнфы....

— Да не иероглифы,— возмутнлся Днмыч,— эта картонка служила крышкой для посылкн. Вот и адрес получателя: г. Камиегорск, пос. Рассохи, Внт...

— ...ковским,— обрадованио закоичнл Саня.— Но тогда мы находнмся...

— ...в поселке Рассохн!— подхватнла Даша.

ВИТКОВСКИЙ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Виктор Сергеевнч Витковскнй не выкручнвался, не юлнл. Ои отдавал себе отчет, что на сей раз нспугом не обойдется н теперь вдалн от дома у него хватит временн обдумать, как нз простого любителя камия алчность превратила его в преступиика. И все-таки Витковский был спокоен. У него оставался иа руках иадежиый козырь, подареиный жадным до деиег сопляком.

Третий день встречается Шевченко с бывшим шефом

и его «неграми». Дмитриев, как это ребята его называют — Хитрый Митрий?.. Он еще не зашел далеко, ему достаточно будет увещеваний и хорошего отцовского ремня, да и друзья, наверное, помогут, поговорят по-своему. На остальных подростков слова уже не подействуют. Они развращены безнаказанностью и легкими деньгами, с ними надо что-то решать. А вот Витковский...

Борис Иванович пытается понять Витковского Виктора Сергеевича, 1939 года рождения, русского, уроженца Камнегорска, ныне жителя областного центра.

Воспитанный в рабочей семье, Виктор Витковский подавал надежды как ведущий инженер КБ. Знание ряда иностранных языков обеспечивало ему доступ к зарубежным первоисточникам. Его возносили как перспективного специалиста, а он вдруг забросил диссертацию и, можно сказать, выбыл из мира науки.

— Объяснимся, Виктор Сергеевич?

Витковский недоуменно поднял плечи.

— На исповедь приглашаете? Так ничего нового я вам, пожалуй, не скажу. Видите, грешен.

— Мальчишек жаль. Вы им жизнь поломали, теперь они другим ее ломать станут. Еще одного мимоходом согнули, выпрямится ли? По своему подобию воспитываете?

Виктор Сергеевич возразил:

— В этом отношении вы заблуждаетесь. Не я сформировал их, они были готовы к такому образу жизни. Да и в злодеи не гожусь. Дал однажды слабинку, вот и сижу перед вами.

— Слабинка — это коллекционирование драгоценных камней?

Задержанный вздохнул.

— Вы же местный, должны знать, что рожденному в Камнегорске трудно противостоять фарту. Его впитываешь с молоком матери. Золото, изумруды, аквамари-

иы, алексаидриты... Куда ни ступи — сокровища; да те же старые отвалы, где мы промышляли... Их иадо через сито просеивать или под охраной содержать. Так вот...— Витковский помолчал, собнраясь с духом.— Считайте, что я жертва той лихорадки, которой заболевают в местах, подобных Клондайку и Камнегорску. Здесь даже воздух пропитан легендами о старинных кладах. Не доводилось вам, Борис Иванович, слышать про изумруды, зарытые на Большом Створе еще французами?

— «Анонимная компания»?

— Она самая. Я ведь пацаном по тайге помотался, отыскивая эти богатства...

— Поэтому привлекла записка ротмистра Вологжанина?

— А вы считаете ее мистификацией?

— Отнюдь. Между прочим, точно установлено, что записка из того времени. Почерк идентичен, мы сверяли с сохранившимися документами, среди них есть и принадлежащие перу управляющего Вологжанина. Впрочем, что из того? Большого значения это уже не имеет.

— Почему не имеет?— насторожился Виктор Сергеевич.

— Так ведь, судя по автографу ротмистра, саквояж зарыт где-то на Рассохах, а там, как вам известно, вода колышется.

Впервые за время беседы Витковский поднял глаза иа Шевченко. Смотрел прямо, не мигая, как бы оценивал майора. Затем облегченно выдохнул:

— Позвольте не согласиться с вами. Как говорится, возможны варианты, вот и ротмистр об этом извещает господина Розерта.

— Вы о чем, Виктор Сергеевич?— ие понял Шевченко.

— О Рассохах,— уточнил Витковский.— А что вы

скажете, если я вам преподнесу клад Вологжанина на блюдечке с голубой каемочкой?

Начальник ОБХСС изумленно поднял брови.

— Вы что, серьезно?!

Минуту-другую Витковский молчал и, словно падая с обрыва в холодную воду, решился.

— Вологжанин упоминает Рассохи. Так? А теперь откройте мой паспорт и взгляните на графу «место рождения»...

Шевченко взял в руки документ Виктора Сергеевича и... подпрыгнул на стуле.

(2) Макарово озеро. Август 1988 года

Надо ли говорить о том, что нашим героям, в том числе и отважному Димычу, крепко досталось от майора Шевченко.

Но жизнь продолжалась. И в один, как водится, прекрасный день участники безуспешного розыска вологжанинского саквояжа собрались на Макаровом озере. Все, кроме Митрия, о котором старались не вспоминать, не было и Соловьева; получив из Москвы неутешительный ответ на свое письмо, он сильно огорчился и даже прихворнул от этого.

Предлагая министерству энергетики на время демонтировать плотину, Павел Васильевич не учел того обстоятельства, что ГРЭС производит за сутки электричества на миллион рублей.

— Подвел я Соловьева под монастырь,— грустно заметил Макар Андреевич.— Да и ваши каникулы плакали. Ругайте меня, старого, вовлек вас в авантюру.

Где-то неподалеку северный ветер гнал волны по во-

дохранилищу, кричали чайки, застыли на якорях рыбацкие лодки. Красота немыслимая...

Дашу так и подмывало утешить старика. Никакого отношения к тайне ротмистра Вологжанина водохранилище не имело, напрасно он расстраивается. Но клятва, которую дали все трое на чердаке, удержала от этого шага. Надо прежде убедиться в том, что Вологжанин захоронил сокровища в старательском поселке. За эти три дня, правда, не удалось найти никаких следов.

— Вот и все,— вздохнул Макар Андреевич.— Остается уповать на будущее. Может, когда-нибудь и найдется саквояж, кто знает...

Ребята отвели глаза.

— Я знаю!— на берег озера вышел Борис Иванович Шевченко. Он был в полной форме, на погонах серебром сверкали майорские звезды.

— Словом, так, друзья, приглашаю вас в поселок...

— ...Рассохи,— вклинилась неожиданно для себя Даша, нарушив недавнюю клятву.

Майор был ошарашен этим заявлением не меньше, чем признанием Витковского:

— Как? Вы и это знаете?!

Саня хмыкнул: «Ваша школа». Димыч только улыбнулся, он красноречием блистать не стал. А дед Макар, до которого не сразу дошел смысл сказанного, за голову схватился: «Надо же так опростоволоситься! Ну совсем из ума выжил. Мне ли на память жаловаться, а вот поди ж ты... Позор-то какой! Да, пора на покой, пора...»

(1) Рассохи. Январь 1945 года

Шевчеико при задержаиии Витковского ие придал зиачеиия его словам о колыбели, восприияв их как отвлекающий маиевр.

Нет, Виктор Сергеевич Витковский говорил истииную правду. В этом малеиьком таежиом поселке ои впервые увидел разиоцветиый мир за окиами: голубое иебо, изумрудиые травы и запавшую в детское созиаиие громаду темиого леса, окружавшего Выселки со всех сторои.

И еще одио давиее, почти призрачиое видеиие — среди серых и белых граиитиых валуиов, как могучий страж, вздымалась причудливая сосиа с раздваивавшимся стволом. На ией ежедиевио плотиичал дятел и, пробуя летательиый аппарат, веселились белки.

Его родители поселились здесь в коице двадцатых годов, когда строился кирпичиый завод. Жилья ие хватало, и тогда вспомиили о забытом старательском поселеиии, заброшеииом еще в годы первой мировой войиы. За иим закрепилось изваиие Выселки. И письма по такому адресу получали иемиогочислеииые обитатели иаселеииого пуикта, ие обозиачеииого ии иа одиой географической карте. Только когда иачалась всеобщая паспортизация, Витковские узиали, что живут оии в поселке Рассохи. Это исполкомовские делопроизводители восстаиовили и закрепили печатью изваиие по сохраиившимся архивам царского времеии.

Так оии и сосуществовали, иикому ие мешая и мирио уживаясь в быту, два изваиия — официальиое и иародиое.

А после войны завод обзавелся жильем в городе, и поселочек окончательно захирел.

Витковские были одними из немногих, для кого поселок Рассохи не растворился в прошлом.

Лютой зимой сорок пятого года отец вернулся с фронта на одной ноге. Узнав, что жена и дети в такие холода подбирают на дальней просеке закоченевшие жердины, он зло и остервенело, в одиночку, спилил облюбованную белками сосну с двумя стволами.

Шестилетний мальчик, прижавшись к горячей печи, никак не мог отогреть пальцы, замерзшие, как ледышки. Его бил озноб, а к вечеру поднялась высокая температура. В жару, охватившем его с ног до головы, мальчик оказывался под падающим деревом. Он бежал и не успевал — дерево сминало его в лепешку.

Мальчик выздоровел, но этот сон еще долго преследовал его.

(2) Рассохи. Август 1988 года

Милицейский автобус, вместивший всю экспедицию, бежал в направлении Выселок, впрочем, теперь уже Рассох.

Его пассажиры шумно предвосхищали минуту, когда их взорам предстанет набитый самоцветами саквояж ротмистра Вологжанина, пролежавший в земле семь десятилетий. Иные чувства владели стариком Воронковым. Отрешенно вглядываясь в оконное стекло, он думал о том, что жизнь завершается, худо ли, хорошо ли, но прожита. А сколько там осталось?

У бывшего дома Витковских стоял «уазик» с синей мигалкой. Милиционеры кучковались вокруг задымлен-

ного валуна, среди них штатской одеждой выделялся Виктор Сергеевич Витковский. Он деловито ходил между камнями, отступал к избе, возвращался, оглядывался.

Милиционеры не мешали его священнодействиям. В их жизни это был первый правонарушитель, добровольно согласившийся выдать немалые ценности.

— Товарищ майор!— кинулся один из них к Шевченко.— Еще не сориентировался...

— Вижу,— ответил майор.— Я понятых привез. Как полагаешь, пригодятся?

— Пригодятся, товарищ майор,— почему-то обрадовался милиционер, словно присутствие понятых обеспечивало несомненный успех операции.

«Понятые» разошлись по площадке, посреди которой высился огромный камень. Витковского смущало отсутствие пня, который, он точно помнил, вплотную прижимался к валуну.

— Дело нехитрое,— объяснил Макар Андреевич.— Никто его не корчевал, охотники выжгли. Я тоже, бывало, грелся таким манером, смолье горит отлично. А потом земли надуло, травка зашевелилась. Копать надо.

Из машины принесли лопаты, и дюжие милиционеры с жаром принялись за работу.

...Припекло солнышко.

Вымотались милиционеры.

Уже и Шевченко напластался всласть, а он дядька могучий, и Витковский до майки разделся, и Саня с Димычем свою лепту внесли, а клад не давал о себе знать.

Нервно бегал по кругу Витковский. Он потерял доверие милиционеров и страдал от этого больше, чем в тот момент, когда пришлось расставаться с туго набитым кошелем.

Лопатой орудовал Макар Андреевич Воронков, копал неторопливо, экономно расходуя силы. Вены набух-

ли на сморщенной шее, липли к потному лбу поредевшие волосы. По застарелой привычке Макар Андреевич поплевывал на ладони и снова углублял яму. На утоптанной траве сидела Даша, обхватив руками колени, и бездумно жевала былинку. Из оцепенения ее вывел легкий скрежет, будто металл врезался в гравий. Она вскочила, и ее движение сорвало людей с места. Все столпились возле ямы, из которой торчала спина Воронкова.

Макар Андреевич попросил совковую лопату и стал черпать ею «гравий». Это были самые разнообразные зеленые кристаллы: то коротышки с ноготь, то крепыши с палец — отборные самоцветы.

— Ну вот,— глухо обронил дед Макар,— приехали!

(3) Рассохи. Август 1988 года

Земля надежней швейцарского банка хранила добычу Воскресенского прииска. Да и что значат какието семьдесят лет, когда время делится на геологические эры?

Изумрудам ничто не могло повредить, они не портятся, не тлеют, как недолговечные изделия рук человеческих. Вот и саквояж, их слабая оболочка, превратился в прах, а камни...

Неуютно было на душе у Сани.

Странно чувствовал себя и Димыч. Вроде бы надо радоваться, что сокровища найдены, а радости нет. Ну нет, и все.

Даша, ожидавшая, что изумруды должны выглядеть как на витрине ювелирного магазина, не сдержала восклицания:

— Какие замызганные!

Никто не отозвался. И только Витковский воспринял эти слова как личный упрек.

— Это сырье,— снисходительно к возрасту Даши сказал он.— В руках мастера им цены не будет.

Витковский помолчал и меланхолично добавил:

Был королем я только в сновиденье.
Меня лишило трона пробужденье.

Даша подняла на него вопросительный взгляд. И он послушно ответил:

— Шекспир. Концовка восемьдесят седьмого сонета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чечулин А. И.

Ч-57 Самоцветы для Парижа: Повесть.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.— 144 с.: ил.

ISBN 5—7529—0185—5

25 к. 100 000 экз.

Весной 1918 года на одном из старых уральских приисков началась эта странная, полная случайных совпадений история. Поисками изумрудного клада, пролежавшего в земле семь десятилетий, заняты герои повести — современные школьники.

Для среднего школьного возраста.

Ч $\frac{4803010201\text{-}062}{М\ 158(03)\text{-}89}$ 56-89 ББК 84Р7

Чечулин Алексей Иванович

САМОЦВЕТЫ ДЛЯ ПАРИЖА

Редактор Е. В. Черняк
Художник Н. Н. Моос
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры М. Ф. Худякова, Т. В. Сергеенко

ИБ № 1798.

Сдано в набор 27.02.89. Подписано в печать 13.06.89. НС 12111. Формат 70×108[1]/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 100 000. Заказ 126. Цена 25 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

25 к.

СВЕРДЛОВСК
Средне-Уральское
книжное
издательство
1989